

СЕРГЕЙ КОРНЕВ

В СТИЛЕ ФЬЮЖН

Мистика • Эротика • Магреализм

РАССКАЗЫ

Сергей Корнев

В стиле фьюжн. Рассказы

«Издательские решения»

Корнев С.

В стиле фьюжн. Рассказы / С. Корнев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749092-8

«В стиле фьюжн» — книга для особенного читателя. Если вы любите откровенность, то эта книга для вас. Как в стиле фьюжн, автор создаёт сплав из разных жанров: современного реализма, городской прозы, эротики и мистики. Секрет стиля фьюжн прост — можно вообще всё. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-749092-8

© Корнев С.
© Издательские решения

Содержание

Свет по имени Я	6
Дежавю	9
Дьявол	12
Ангелы знают	16
Глава I. Грубости	16
Глава II. В руках	18
Глава III. О конечности	21
Такие странные сны в стиле фьюжн	26
Сон 1. Топик	26
Сон 2. Каблуки	30
Сон 3. Халатик	35
Сон 4. Юбочка	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

В стиле фьюжн Рассказы

Сергей Корнев

Фото на обложке Елена Москалёва

Макет обложки Canva

© Сергей Корнев, 2019

ISBN 978-5-4474-9092-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Свет по имени Я

Реальности нет.

Когда играешь, твоей обыденной реальности не существует. И чем глубже погружаешься в игру, тем явственнее игра становится твоей жизнью. Ты живёшь в игре, позабыв о времени, о звуках внешнего мира за окном, о собственном теле – о своих пальцах на клавиатуре, о глазах, устремлённых в монитор. В этот момент ты – просто сознание, нечто, лишённое всего, кроме того единственного, что ты привычно называешь «я».

Я понял это, когда застрял в Зоне Мёртвых. За мгновение до моей очередной смерти. Стоило только, задумавшись, отвлечься на какую-то одну несчастную секунду, потерять бдительность, и Зона убила меня.

Сколько уже было отчаянных и безуспешных попыток пройти этот проклятый квест. Кажется, целая вечность.

Я – Люцифер Бланко, могущественный маг, повелитель всех миров, кроме одного – Зоны Мёртвых. Этот мир – крошечный ад, тьма, населённая свирепыми зомби, убивающими всех, кто несёт в себе энергию света.

Я пробовал притворяться, отключал в настройках мои скиллы света и становился как они, зомби. Но тогда у меня напрочь пропадала способность хоть как-то зреть путь, которым мне предстояло пройти. Путь, ради которого я и пришёл в Зону Мёртвых.

В магической Книге Жизни сказано: «Тот, кто обретёт жизнь в Зоне Мёртвых, тот обретёт власть над смертью и станет богом».

С тех пор, как я купил эти слова у одного мастера в старом трактире на перекрёстке миров, не было квеста сложнее, нежели поиск жизни в Зоне Мёртвых. Я победил дракона в Царстве Страха и стал повелителем страха. Я нашёл истину в Мире Иллюзий и стал повелителем иллюзий. Я открыл тайну магии в Стране Магов и стал могущественным магом. Но я не мог отыскать жизнь в Зоне Мёртвых.

Жизни нет.

«Всё так или иначе смерть», – размышлял я, пробираясь по какому-то заросшему бурьяном оврагу и прислушиваясь к каждому шороху. Зомби всегда появляются шумно, со звуком, похожим на ветер: ффффьюууу!. И всё – ты мёртв, начинай сначала.

Я не хотел начинать сначала и потому шёл, затаив дыхание, почти не дыша. Ноги мои вязли в болотной жиже, руки и лицо резали острые, как лезвия, стебли травы, глаза разъедала ядовитая холодно-дождливая рябь, но я терпел. Навигатор показывал, что мне осталось совсем немного до цели. Так близко подобраться к ней у меня ещё ни разу не получалось.

Вдруг впереди послышалось это леденящее душу «ффффьюууу!» – раз, два, три, четыре, пять и ещё, и ещё, так что я даже перестал считать их, целое полчище. Остановился. Задумался. Не идти же в логово, которое, судя по всему, чёртовыми зомби кишмя кишит?

От греха подальше я присел и увидел чуть в стороне, в примятых зарослях травы истлевший труп. Когда-то это тело было человеком. Когда-то оно ходило, говорило слова, смеялось, чувствовало, любило, жило. Куда же делась его жизнь? Жизнь как свет, а смерть как тьма. И куда бы ни стремился свет, там, в конце, его уже поджидает тьма. Потому и мнится, что на самом деле нет никакой жизни, всюду царствует темнота смерти. А свет жизни, что робкий огонёк спички, вспыхнет ненадолго и гаснет, оставляя после себя тот самый почерневший труп. Как немое свидетельство своего вечного бессилия перед неумолимым ликом смерти.

Я взглянул на навигатор. Он показывал, что цель где-то рядом, чуть ли не под носом. Так куда же идти? Везде трава и однообразная тёмная жуть, глазу не за что зацепиться. Не так я представлял себе это место. Место, где в Зоне Мёртвых якобы спрятана жизнь.

Так, ладно. Поищем. Я осторожно, чтобы не привлечь зомби, начал шарить в траве. То тут, то там. И ничего. Да где же ты? Где же ты?! Я, забыв про осторожность, в неистовой злобе рвал траву, как отчаявшийся идиот рвёт волосы на своей тупой башке. Да разве ж может быть жизнь в Зоне Мёртвых? Это всего лишь какой-то символ, фигура речи. Я, видимо, опять нифига не понял. Либо это обман. Меня просто обманул тот мастер в старом трактире на перекрёстке миров. А я, дурак, повёлся. Да, и ведь он мне сразу как-то не понравился, этот подозрительный тип. Откуда у таких вот оборванцев могут быть слова из магической Книги Жизни? Всё, я пропал...

Со всех сторон меня обступали зомби, чёрные до смолы, так что и сама тьма сгустилась, сделалась плотной, маслянистой, клокочущей. Ах, что б вас, черти! Я в отчаянии рванулся в самую гущу зарослей и – о, счастье! – заметил там не то шалашик, не то ворох сухой травы. Спрятаться, переждать – да хоть какая-то надежда, вдруг всё же удастся спастись!..

Я влез в этот хренов шалаш и затих. Съёжился, врос в траву, всем своим естеством, всей утробой, превратился в слух, в маленькую, ничтожную точку, в которой бешено пульсировало моё сердце.

И тогда предательски громко раздался писк навигатора. Как же тебя я ждал всю эту вечность моих нескончаемых смертей в Зоне Мёртвых, как же я жаждал тебя! И вот ты, бессердечная тварь, пищишь как назло в самый неподходящий момент. Заткнись, заткнись же!

Постой-ка... Не может быть. Здесь, что ли?

Я пощупал руками вокруг себя и обнаружил в траве что-то гладкое и тёплое. В тот же миг ясный свет озарил тёмное нутро шалаша. Бог ты мой! Что это? В моих руках был светящийся шар размером с небольшой мяч. Его поверхность выглядела хрупкой, точно хрусталь, а внутри струилось что-то живое и такое радостное, что хоть плачь.

Я и впрямь чуть не заплакал от радости. Но из шара прозвучал тихо женский голос и сразу успокоил меня.

– Введите имя и пароль, – сказал голос.

Я ввёл имя – Люцифер Бланко. И пароль – qwerty.

– Миссия выполнена, Люцифер Бланко. Вы отыскали жизнь в Зоне Мёртвых и стали повелителем смерти. Отныне вы – бог.

Мне показалось, что на слове «бог» голос немного хихикнул, но я не придал этому значения. Миссия выполнена, на остальное плевать.

Я выбрался из шалаша, держа в руках светящийся шар. Свет от него сначала был подобен свету фонаря, а потом он стал разгораться всё ярче, ещё ярче и ещё ярче, пока непроглядный мрак Зоны Мёртвых не рассеялся вокруг меня окончательно.

При ярком свете всё выглядело совершенно не так, как в темноте. Я теперь видел не жуткий овраг, а живописное русло, по которому бежал ручей – чистый, журчащий, игривый. Заросли травы оказались пышными кустами роз и других цветов. Зомби превратились в людей и почтительно склоняли передо мной головы. А в утрашающем раньше «ффффьюуу!» зазвучала прекрасная мелодия.

Я шёл, неся в руках шар, излучающий ослепительный свет, и душа моя ликovala. Я – Люцифер Бланко, могущественный маг и повелитель всех миров. Я – бог, повелевший ожить самой Зоне Мёртвых, и она ожила.

Ну и хватит на этом. Пора уже и поспать.

Я снял наушники. Приходя в себя, потёр глаза и зевнул. Какой ты, в задницу, Люцифер Бланко? «Могущественный маг, повелитель всех миров». Бред. Глупая компьютерная игра. «Я – бог». Что-то внутри меня хихикнуло тем самым женским голосом из шара. Да какой ты, в задницу, бог?

Я – Алексей Белов. Или просто Лёха. Студент железнодорожного техникума. Живу в технарской общаге на денежки, которые мне присылают родители каждые две недели. В свободное время играю в игры на компе.

Я – Алёша. Так зовёт меня мама, и мне нравится, как она зовёт меня – Алёша. В её устах получается очень ласково. Это имя моё, в нём я ощущаю подлинную суть себя. Хотя, в сущности...

Имени нет.

Имя – всего лишь бирка. Невидимая табличка со словом, которую мне от рождения повесили на шею, и с тех пор я её ношу. И считаю её собой. Но это не я. Я с таким же успехом мог бы таскать на себе и какую-то другую табличку. Например, быть Виталием. Папа же хотел назвать меня Виталием. Или если бы что-то там с хромосомами пошло не так, то я мог бы быть Аней. Мама же хотела девочку по имени Аня.

Я могу носить любое имя, любое слово из любой комбинации букв, сколько угодно случайных, хоть... qwerty. К моей подлинной сути это мало относится, если вообще относится. Я – qwerty, и что?

Это бездумное qwerty я поставил паролем в игру, так как не хотел на неё подсаживаться, думал, что просто полюбопытствую и всё, а она меня взяла и накрыла с головой. Даже сменить пароль некогда. Да и пёс с ним. Ну и что, что пароль qwerty – это то же самое, как если бы его не было? Алёшей Беловых тоже столько, что на целый город хватит, однако это же не значит, будто меня нет. Я есть. Или... нет?

А что если и вправду меня на самом деле нет? Что если я, сознание во мне, всего лишь персонаж какой-нибудь глобальной игры, и в меня играет некий Люцифер Бланко, могущественный маг и повелитель всех миров, бог? Я думаю, что нет никакого Люцифера Бланко, потому что это лишь персонаж моей игры, но где гарантия того, что никто не играет в меня?

Всё, иди спать. Тебя нет.

Я выключил комп и лёг спать. Засыпая, вспоминал игру. Здорово всё-таки, что мне удалось найти жизнь в Зоне Мёртвых. Теперь я бог и играть будет ещё интересней. На том и заснул.

Мне снилось, будто бы я в страшном ночном лесу набрёл на огонь. Одинокий костёр посреди непроглядной холодной темноты – и никого во всём мире. И что я должен оберегать, поддерживать этот огонь, иначе конец, мрак поглотит всё. Я сидел возле костра, смотрел на пламя и вдруг осознал, что сплю. И сразу же пришла ужасающая мысль: «Господи, а если я не смогу проснуться – так и останусь здесь навсегда?». Панический, кошмарный страх охватил меня, и я проснулся.

Проснувшись, смотрел в потолок невидящими глазами. Я понял: во всём, что живёт, горит этот свет по имени Я. И только это Я – есть.

Дежавю

*Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.
Марина Цветаева*

О, трепет. Величественный и беспощадный. Всепроникающий, всё и вся сокрушающий. Заставляющий умолкать и цепенеть перед собой всё живое. Преследующий, нависающий неотступной тенью всё то время, пока оно, живое, живёт.

Почти всю сознательную жизнь меня мучил страх смерти. Стоило только подумать, представить в мыслях последний миг, последний вздох – и дух, холодея, замирал, будто чьи-то могучие руки, проникнув вглубь души и схватив её там, в глубине, за самое живое и трепещущее, грубо выволакивали из тепла наружу, на лютый холод внешнего мира. Оставляя внутри дырявую пропасть огромных, необозримых размеров, какую ничем не заткнуть, ничем не заполнить, что в неё ни бросай. Лишь оглушительная тишина будет тебе ответом, такая тишина, какую ничем не унять, не перекричать, как ни кричи. Лучше стой и, оцепенев, молчи вместе с ней. Край бездны станет отступать всё дальше и дальше, пока и вовсе не растворится, точно наваждение, какая-то нелепица, надуманный пустячок.

Чем больше я избегал этих мыслей, гнал от себя, тем коварнее они подкарауливали меня, тем яростнее нападали. И если прежде лёгкое игристое вино молодости ещё умело беззаботно смеяться над ними, то время, тяжесть прожитых лет, выбродило во мне горькое и унылое похмелье, которому было не до смеха. Которое, утратив всякое чувство юмора, находило болезненное удовольствие в том, чтобы самому помучить себя разными страхами: что всё плохо и будет только хуже, а конец всему – та самая смерть.

Всё стало одним цветом: думаешь о жизни – тоскливая серость, думаешь о смерти – она же, но с каким-то огоньком непонятным. Словно бы во всей этой серой безвкусице вдруг находился какой-то долгий вкус, что-то, что можно жевать, жевать и жевать, как жвачку. Надоест, выплюнешь – и враз как-то не по себе делается, с испугу подберёшь с грязного пола, опять сунешь в рот...

А старику смерть особенно близка, и её довлеющий страх уже не где-то в мыслях витает, он свил себе гнездо прямо в самой душе и сидит там день и ночь, будто умирающая птица, брюзжит и ноет противным скрипучим голосом.

Каждый раз когда отходил в мир иной кто-то из родственников или знакомых людей, либо просто встречалась мимоходом похоронная процессия и с нею покойник, лежащий в гробу, эта проклятая птица начинала истошно орать и бить крыльями, отчего душа сотрясалась так, что того и гляди сама изойдёт вон.

Ну, бывало, забудешься в прошлом, начнёшь ворошить в памяти то, сё... Впрочем, вспоминать-то особо нечего. Жизнь прошла, что короткий сон меж трудовых будней, только голову к подушке, и вот уж неожиданный, как всегда, трезвон будильника, – оглянуться не успел.

Родился я в сорок первом, за два дня до начала войны. Отец погиб на фронте. Что о нём вспомнишь? Видел только на фотографии. Мать тянула семью – нас, детей, у неё было трое – одна. Двужильная и безропотная, как старая заезженная лошадь, работала на износ. Так и померла на работе, ночь отсидела сторожем в будке на железной дороге, а утром пошла на вокзале полы мыть, там и упала. Меня тогда только в армию забрали. После армии я в ПТУ отучился, на шофёра. Сорок лет за баранкой. Ну что ещё? Жена, дети, потом внуки, всё, как

у всех. Дети выросли, разъехались кто куда. Остались мы с моей супругой одни. А вскоре и её не стало – парализовало, помучилась полгода и отошла. Жили, как все, – и помрём, как все.

Мне казалось, что старухе моей умирать было легче – интереснее, что ли. Она в церковь ходила, верила в Бога, в посмертную жизнь, в рай и ад. А я – нет. Нету ничего. Я ей так и говорил:

– Люда, да не верь ты в эти поповские сказки! Религию специально выдумали, чтобы дурачить народ. Человек смерти боится, и попы пользуются этим, наживаются. Ещё больше страшат: там, дескать, ожидают вас адские муки на веки вечные, огонь неугасающий, червь неумирающий. Естественно, человек паникует: мол, что же мне надо делать, чтобы в ад не попасть? Они: а не грехи. Но как не согресишь? У них, в церкви, этих несчастных грехов написано – что хоть не дыши. Тогда, говорят, раз виновен, то кайся, молись, молись и кайся. Ну, и пожертвование подавай, конечно. А как же? Бог-де жертвования от людей очень уважает и умилоустивляется.

Она же ругалась на меня, скрежеща зубами:

– Очень ты, Васька, страдаешь за такие слова! Вот увидишь, как смерть придёт! Иди в церковь, пока не поздно, покайся! А нет – так пойдёшь в ад! В ад, в ад, в ад! Гореть будешь в аду за эти слова, ох, как гореть!!!

В церковь я, конечно, не пошёл и никогда не ходил. Но про ад мало-помалу мне всё-таки в душу запало. Шут его знает, что там да как... Может, оно и вправду – всё так и есть, как попы говорят.

Жена умерла около года назад, в конце июня. До сорока дней чуть ли не каждую ночь снилась – вся в чёрном, снова ругала меня, адом грозила. Я измучился жутко да разболелся. Неотложку дважды вызывал с перепугу, думал, вот-вот и сам помру. Денег дал одной бабе, чтоб в церкви свечку за упокой поставила. И, что странно, это подействовало, сны прекратились.

Мне тоже полегчало, отпустило. Привычное доселе, постоянное присутствие страха, тревожное ожидание неминуемого конца вдруг отчего-то сменилось отчаянной жадной жизнью. Я не мог надышаться ускользающей жизнью, словно бы пил и не напивался, ел и не наедался, хотел жить, жить, жить... Весь год прошёл с этим чувством, пролетел, точно один день.

Накануне моего дня рожденья приехал сын – проведать, узнать, как жив-здоров, да и к матери, всё-таки скоро годовщина. Отправились первым делом на кладбище. Прибрали Людкину могилку, выпили по пятьдесят грамм – на помин души не повредит. Закурили.

– Вот, отец, – сказал сын, – жил человек и нет его. Откуда пришёл в этот мир и куда ушёл, непонятно...

Я со скорбью покачал головой.

– Пришёл в мир страдания, чтобы умереть. Все пути-дороги, как ни ходи, все сюда ведут, в могилу. И мне скоро это предстоит. Здесь тогда меня и похороните.

Сын, помолчав, легонько тронул моё плечо, заботливо выводя из тяжких раздумий.

– Пойдём, отец. Семьдесят три – не срок. Ты у нас крепкий, до ста лет дожить можешь. Так что особо не спеши туда, ещё правнуков понянчить успеешь.

Мы неторопливо двинулись к выходу из кладбища, и вот – в долгом ряду встретившихся могил мои глаза случайно выхватили лицо на старом памятнике с пятиконечной звездой на навершии. Лицо какого-то военного – в командирской фуражке, с застывшим во времени пронзительным взглядом и дикой, почти звериной гримасой то ли затаённой злобы, то ли затаённого страдания.

Внутри у меня будто что-то вскрикнуло – так визгливо и тонко, что почти беззвучно, аж наизусть, до пульсирующей в агонии крика тишины. Тишины, в которой на мгновение мне открылось нечто.

Я, оцепеневший и поражённый, опёрся на ближайшую оградку, с трудом приходя в себя.

– Что с тобой? Тебе плохо? Папа! – встревожился сын.

Папа. Он лет тридцать не называл меня папой. Я улыбнулся.

– Ничего-ничего, всё хорошо, так это... ерунда какая-то, – пальцем показал на старый памятник со звездой. – Вон на мужика того посмотрел... и какое-то странное чувство меня накрыло, будто знаю я этого мужика, очень хорошо знаю... И в то же время откуда мне его знать? Он вон, глянь, умер в тот день, когда я родился... ну, не описать... до того странное чувство...

– Пётр Васильевич Иванов. 14. 02. 1906 – 20. 06. 1941. Молодым умер, погиб, наверное, где-то, – сын, с облегчением выдохнув, усмехнулся. – Это называется дежавю, отец. Не бери в голову. Со всеми бывает.

Однако я никак не мог позабыть произошедшее. Всё думал и думал, пытаюсь найти ему объяснение, и не находил. В тот же день, поздно вечером, мне стало плохо. С трудом поднявшись с постели, я побрёл на кухню, чтобы принять лекарство.

В коридоре остановился, облокотившись на стену... Что-то было не так. Будто вернулось то самое чувство дежавю, удивительное, неуловимое и необычайно волнующее. Только не вскользь, как бы стремительно отдаляясь, а очень явно и всё более и более нарастая. Новыми, но хорошо знакомыми образами. Новыми, но хорошо знакомыми звуками, запахами, наполненными жизнью. А старое, утекая куда-то, как остатки сна, хоть ещё и жило в памяти, но точно наваждение, какая-то нелепица, надуманный пустячок...

...Да, это был сон. Просто сон.

Я открыл глаза и увидел перед собой военного в командирской фуражке, знакомое лицо с кладбища, ничуть тому не удивившись. Я знал, что он это я, а я это он. Я знал его жизнь, кем он жил и как умер, ведь в нём была и моя жизнь. Но всё это не важно.

– Что будет сейчас? – спросил нас кто-то третий.

– Сейчас будет то, что есть, то, что всегда было и всегда будет, – ответили мы.

– В ад? – испугался он. – В мир страдания, чтобы умереть?

– В мир радости, чтобы жить. В себя – ты и есть ад, и рай тоже ты. Не бойся, смерти нет, есть только жизнь.

– Смерти нет, есть только жизнь, – повторил он, становясь мной.

– В мир радости, чтобы жить, – повторил я, становясь им.

И меня накрыла мягкая, тёплая, добрая тишина, в которой не было никого. В которой мне не было нужды знать, кто я, в которой я всё забыл...

...Я вспомнил это много-много лет спустя, когда мы с моим сыном хоронили его мать и мою жену. Она разбилась на машине. Ей не стоило садиться за руль, потому что она всегда боялась именно так и умереть, погибнуть в автокатастрофе. Но теперь мы уже не в силах вернуть её назад, в нашу жизнь.

Так я сказал своему сыну. Ему хоть и только пять, но он всё понял, он умный и смелый мальчик. Смелый, потому что не боится смотреть жизни в лицо. Даже когда она примеряет на себя образ смерти.

– Мама жива, – произнёс он твёрдо, утирая слёзы. – Её нет здесь, но она жива.

– Верно, сынок, – я ласково погладил его по головке. – Смерти нет, есть только жизнь. Мы всегда возвращаемся в мир радости, чтобы жить.

Ах, да. Вспомнил я всё это, когда увидел лицо на памятнике рядом с могилой жены. Того человека звали Василий Иванович Петров, годы жизни 20. 06. 1941 – 19. 06. 2014.

Когда-то я был им. Или он был мной. Не важно.

Дьявол

Мы всегда, с самого глубокого детства, знали, что там живёт дьявол. Теперь уже никто и не помнил откуда. Может, кто-то из взрослых брякнул, чтобы попугать. Может, когда-то от кого-то из старших услышали. Может, сами придумали... Но это место – старинный двух-этажный дом, а точнее только одно окно в нём – накрепко засело в памяти. Мы боялись его, но часто околачивались, бегали, играли где-то рядом с ним. По вечерам, когда смеркалось, и в окне загорался бледно-жёлтый свет, с любопытным страхом заглядывали в него издалека.

Мы – это я, мой друг Ярик и девочка из моего подъезда, Рита. Ярик, Ярослав, сколько его знаю, был толстым увальнем с мягким, покладистым, но ранимым характером. Он жил в соседнем доме, наши мамы дружили. А Рита – худенькая, молчаливая, с острым, слегка насмешливым взглядом – увязалась за нами прямо с первого класса – куда мы с Яриком, туда и она. Рита мне нравилась. Хотя наши мамы друг друга на дух не переносили. Ей частенько доставалось дома за эту дружбу со мной – и чем дальше, тем больше.

А Ярику доставалось от пацанов. Драться он не умел, да и боялся ужасно. Мне не раз приходилось за него вступаться. Но я-то привык. Без синяков и шишек, как без говна излишек – так говорила моя мама. Ярик же привык во всём меня слушаться. Нам на двоих одну голову в роддоме выдали. Так говорила Ярикова мама.

Как-то летом, на каникулах после седьмого класса, он напрасно меня послушался.

Мы сидели тёплым и тихим вечером, медленно тонувшим в ночной темноте, пока ещё не загнали домой, неподалёку от того дома. Сидели и молча глядели на бледно-жёлтое окно, в котором живёт дьявол.

В таких случаях наше место всегда было неизменным – возле моста на берегу речки. Через небольшую неподвижную тёмную речку вёл красивый мост с гранитными парапетами.

А дом стоял на том берегу. Его фасадная часть – белая, ухоженная, с большими окнами – светилась вывесками. Там располагались магазины. Сторона, обращённая к речке, напротив, имела вид неприглядный – обшарпанная стена из красного кирпича, покрытого ржавчиной времени, с рядом маленьких, как в деревенских избах, окошек. Эта стена вплотную подступала к речке, так что вода омывала её.

На втором этаже было четыре окна, все наглухо задёрнутые шторами. На первом – два: одно, крайнее справа, уродливо забитое фанерой, другое, крайнее слева, ближе к мосту, без штор, с облезлыми рамами. По вечерам в нём горел свет от лампочки, низко свисавшей на толстом, допотопном проводе. Внутри же пустота – никого, ничего. Только изредка пробегал мельком какой-то чёрный силуэт. Мужик вроде. Но мы всегда, с самого глубокого детства, знали, что там живёт дьявол.

И вот как-то раз я сказал Ярику вызывающе:

– А что, слабо тебе подплыть и заглянуть в это окно? Давай, Ярик, подплыви.

– А если слабо, то что? – испугался он.

– Если слабо, то ты мне больше не друг, – заявил я.

Это «не друг» вырвалось само собой. У меня и в мыслях не было прекращать дружить с ним из-за того, что ему слабо. Мне хотелось выпендриться перед Ритой. Ярик признался бы, что слабо, а я бы посмеялся над ним победоносно: мол, эх ты, ссыкло. А Рита бы посмотрела на меня с восхищением.

Но всё пошло не так: на его «то что?» моё «не друг». И потом Ярик вдруг вскочил, снял шорты, майку и с каким-то безумным отчаянием с разбегу бросился в речку, забежал в неё по пояс и, замерев на мгновение, заныл.

– Эй, ты что? Что с тобой? Хватит, я пошутил, иди обратно.

– Я не могу! – заплакал он. – Я наступил на что-то острое, больно мне, очень больно.

Я как есть, прямо в шлёпках и в одежде, забежал в воду и выволок оттуда Ярика. А Рита посмотрела на меня уничтожающе холодно.

– Зачем ты ему так сказал? – тихо, но твёрдо выговорила она.

Нам всем здорово попало. Ярик обо что-то сильно поранил ногу и всё лето не выходил на улицу.

Через год – кажется, в августе – прошёл слух, что в том доме кого-то убили, и мы чуть ли не каждый день бегали туда, глядели со своего берега, затаив дыхание, в бледно-жёлтое окно.

Однажды в проёме показалась фигура молодой женщины. Она была голая. Я потом долго не мог уснуть. Перед глазами у меня стояли её вздёрнутые груди и тёмный треугольник внизу живота.

А убили, оказалось, одного забулдыгу в пьяной драке в дешёвой забегаловке, что открылась в фасадной части дома.

Как-то я спросил у мамы:

– Мам, а кто такой дьявол?

Мама ответила хмуро и уклончиво:

– Это зло. А наш мир без зла и боли, что говно без рта и вони.

– А вот говорят, будто бы в том доме у моста дьявол живёт.

– Ах, сынок, дьяволы сейчас во всех домах живут, – сказала она.

В лето между десятым и одиннадцатым классами мы ходили туда редко. У нас появились другие, более интересные места: в центр города – гулять, на дискотеку, в кафе, либо за город – купаться, на природу, в лес – пикники да просто пошататься вдали от родительских глаз.

Лишь один раз мы пришли на старое место, на берег речки возле моста перед домом, где живёт дьявол. Где, как и прежде, бледно-жёлтым светом горело окно с речной стороны. Пришли вдвоём с Ритой. Ярик после телефонного разговора со своей мамой послушно пошёл спать. В то лето полночь на часах для него всегда означало «домой». Его мама строго за этим следила. «У них на троих теперь ни одной головы нет», – так говорила она.

В окне было пусто. Одинокая лампочка на толстом, допотопном проводе, бледно-жёлтый свет, падавший тусклой лунной дорожкой на тёмную гладь реки, и жуткая пустота.

– Как думаешь, что там внутри? – спросила меня Рита.

– Не знаю, – пожал я плечами важно и как бы невозмутимо. – Только вот про дьявола это всё сказки. Нет там никакого дьявола. Живут, наверное, какие-нибудь алкаши. Сидят сейчас, бухают. Кровать какая-нибудь старая... такая... с железными спинками, знаешь, стоит у стенки, стол, а больше им ничего и не надо. Сидят, бубнят хрень всякую спяну. Нажрут – и дрыхнут.

Рита прижалась ко мне – тепло и как-то по-особенному нежно. Меня охватило волнение, все слова куда-то сразу рассыпались, не собрать.

– Не хотела бы я там оказаться, – еле слышно призналась она.

– Страшно? – брякнул я, лишь бы что-то сказать, не молчать.

– С тобой нет.

Её лицо приблизилось к моему, её страстные, чувственно пухлые губы к моим губам, и мы поцеловались. В первый раз.

На выпускном пацан из параллельного класса набил морду Ярику. Пацан приставал к Рите, хотел с ней танцевать медляк. А Ярик влез, сказал ему, мол, отвали, мол, у неё есть парень. Я был на крыльце, курил и всё пропустил. Потом нашёл этого пацана и набил ему морду за Ярика. Позже мы ушли на берег речки, на наше место, и отмывали кровь – я с рук, а Ярик с лица.

Он вдруг, заплакав, выпалил:

– Ты мне, как брат!.. Ты брат мне!.. А Ритка, как сестра... Давайте не расстанемся никогда?.. Давайте всегда будем вместе, давайте, давайте?..

– Давай, Ярик, конечно, давай, – согласился я, смущаясь, краснея от его слёз перед Ритой. – Рита, мы же не расстанемся?

– Нет, – ответила она.

И мы втроём обнялись и так стояли, обнявшись. Никто из нас тогда даже и не взглянул ни разу в сторону окна, где живёт дьявол.

Но всё же нам пришлось расстаться. Ярик поступил в самый лучший в нашем городе универ, куда поступить тяжело. А я в задрипанный институт, куда брали чуть ли не всех подряд, хоть откровенных болванов. Рита же вообще уехала учиться в другой город. По настоянию своей мамы. Мне это хорошо было известно. Наши мамы друг друга на дух не переносили. Рите дома часто капали на мозг за дружбу со мной – и чем дальше, тем больше...

В конце лета мы ночи напролёт бродили бесцельно до утра, пока сон уже не валил с ног. Сначала провожали Ярика, а затем с Ритой шли к дому, сидели на лавочке у подъезда и неистово, жадно прощались.

– Я люблю тебя, – сказала мне Рита в одно из таких утр. Она сказала это в первый раз.

А я в первый раз ответил:

– Я тоже тебя... люблю...

Потом мы много раз говорили это друг другу. Когда прощались на лавочке у подъезда неистово и жадно. Будто нас одолевала жажда и голод, будто не хватало воздуха, и мы не могли напиться, не могли насытиться, не могли надышаться друг другом.

И вот почти через год, в середине июня, я пришёл один – хмельной, с бутылкой пива – тёплым и тихим до душноты вечером на берег речки, на место, с которого лучше всего была видна речная обшарпанная сторона того старинного двухэтажного дома и бледно-жёлтое окно в ней – то, где живёт дьявол. Свет от окна тусклой лунной дорожкой падал на неподвижную тёмную гладь воды.

Я поставил на влажную песчаную землю недопитую бутылку пива, снял шлёпки, шорты, майку и зашёл в воду, прямо на лунную дорожку. Сперва по пояс и дальше – по грудь, по шею. Шёл осторожно, наступая мелкими, вкрадчивыми шажками. До окна становилось всё ближе и ближе. Рукой подать – метра три, может, четыре – один короткий рывок вплавь. А вокруг меня свет от окна, и лампочка – так близко, легко рассмотреть на её толстом, допотопном проводе и на ней самой множество точек, следы от мух. Точно сыпь.

И я подплыл, еле слышно, по-лягушачьи. Фундамент дома, омываемый речкой, состоял из больших каменных блоков, образуя небольшой уступ. Он позволил мне без особого труда схватиться и вылезти из воды. Лампочка теперь была как бы над самой моей головой. И до окна – лишь уцепиться за нижний выступающий край оконного проёма и подтянуться. Я уцепился, подтянулся и заглянул в окно. В ту же секунду охватил меня панический ужас, глаза мои обожгла колючая, едкая вспышка слепоты, внутри стало нестерпимо больно, сердце заныло, напряглось всеми венами и словно ахнуло со стоном куда-то глубоко, в кромешно-чёрное горло бездонной пустоты.

Не помню, как пришёл домой и лёг спать. Во сне мучили кошмары. Будто я живу в том доме, смотрю из того окна на тусклую лунную дорожку света на неподвижной тёмной глади воды, а на противоположной стороне стоят Рита, Ярик, ещё совсем маленькие, и с ними какой-то мальчишка, лицо которого вроде знакомо, но уже не вспомнить, как далёкий, безвозвратно забытый сон. И ещё мне снилось, будто я и есть дьявол.

Меня разбудили тягостные, сдавленные, монотонные постанывания, сопровождаемые частыми визгливо-скрипучими толчками. Голова болела, а тело затекло, онемело тупой ломотой, словно зажатое в тисках.

Я тяжело, заторможено, с огромным усилием поднялся и сел. Устало повернул голову направо, затем налево. Тесная комнатка, четыре на четыре, погружённая не то в утренний,

не то в вечерний полумрак болезненно расплывалась в моих глазах. Воняло сыростью, потом, перегаром и мочой.

Постанывания у меня за спиной, разделившись надвое, сделались частью сопением, частью мычанием. Визгливо-скрипучие толчки участились. Я нехотя взглянул через плечо и в бессильной злобе процедил:

– Суки... Чтоб вас чёрт подрал... Пошли вон из моего дома...

Скрипление смолкло.

– Сам ты пошёл вон, – пробормотал себе под нос Ярик. – Дай хоть потрахаться спокойно, задолбал...

Я стукнул Ярика по спине – слабо, неловко, нервно.

– Ну чего тебе надо, а?! – истерично вскричала Рита.

Её опухшее спитое лицо с мутными, влажными, животными глазками запыхало нетерпеливо и свирепо.

– Да чёрт с ним, зай, – успокаивающе сказал ей Ярик, и скрипление возобновилось.

Я встал, поискал среди барахла, нагромождённого на железной спинке большой двуспальной кровати, свои штаны, оделся, подошёл к помойному ведру в противоположном углу комнаты и помочился. Когда мочился, поймал своё отражение в загаженном мухами зеркале, висевшем там же, в углу, над ведром. Моя морщинистая, ободранная, с жирной болячкой под носом, со свалывшейся грязной седой бородой, страшная рожа ухмылялась брезгливо и нагло.

Скрипление резко затихло. Ярик перевалился на спину, чиркнул зажигалкой и закурил. Рита легла на живот и так лежала, голая, протяжно и громко вздыхая, ойкая: «О-ой, о-ой, о-о-ой, дьявол, ой, дьяво-о-ол».

Я хлопнул её по голой заднице.

– Эй, транда, а где бухло? Вчера выжрали, что ли, всё?

– Да ты всё и выжрал, – отозвалась она. – Ты у нас горазд вино на говно переводить. Сколько тебе говорить: не умеешь пить – не пей.

– А что было-то?

Рита промолчала, а Ярик щёлкнул выключателем над кроватью. Лампочка на толстом, допотопном проводе вспыхнула и наполнила комнату бледно-жёлтым светом. На полу всюду валялись бутылки, банки из-под пива и консервов, битое стекло, прочий хлам, а на самой середине была лужа крови, размазанная и застывшая так.

– Бесчинствовал, – с усмешкой пояснил он. – Орал как резаный. Пришлось поучить тебя, дурака.

– И что я орал?

– Что ты дьявол во плоти и всех тут нас порешишь. Скажи спасибо, что я тебя не порешил. В другой раз, смотри у меня, не буду таким добрым, убью, на куски разделаю и вон в речку покидаю. Понял? Понял ты, я спрашиваю?

– Да понял, понял...

Я отвернулся и посмотрел в окно на речку, на тусклую лунную дорожку света на неподвижной темной глади воды. На том берегу, утопая в ночной темноте, стояли многоэтажные дома с множеством ярких, весёлых окон. Мы, черти, Бог знает когда, в несуществующей прошлой жизни, потерявшие человеческий облик, всегда знали, что в них живут люди.

С того берега на меня глядел какой-то мальчишка, лицо которого мне было отчего-то очень знакомо, но так смутно, что уже и не вспомнить, как далёкий, безвозвратно забытый сон.

Ангелы знают

Глава I. Грубости

Грубости в отношениях с женой Сергей Иванович себе не позволял. Держался снисходительно мягко и покровительственно. Как хороший папа. Она была намного младше него. Настолько младше, что даже младшая дочь от его первого брака вела себя с ней снисходительно.

Впрочем, снисходительность в их семье считалась нормой. Они все были друг к другу так или иначе снисходительны. Обе дочери Сергея Ивановича приняли его второй брак с пониманием. Их мать умерла несколько лет назад, и они видели – отец честно погоревал положенный в таких случаях срок. Поняли они, кажется, и свою молодую мачеху, студентку, приехавшую учиться – а заодно и налаживать личную жизнь – в большой город из мест далёких и безнадежно несчастных.

Снисходительность – удел либо добрых, либо сильных. Сергей Иванович не был добрым. Он ещё в девяностых приобщился к категории сильных и с тех пор с каждым годом лишь приумножал силу. И – в качестве побочной неизбежности – грубость. Грубость сильного человека тяжела, и люди её боятся, сам же источник втайне ненавидят. Поэтому Сергей Иванович не имел друзей. В среде внешних, вне семьи, людей он имел только партнёров и конкурентов. И они все были врагами. Те же, кто не попадал в область партнёров и конкурентов, не попадал и в область жизни. В его глазах их попросту не существовало.

Единственным человеком за много-много лет, с тех самых девяностых, который отчего-то попался ему на глаза из всей этой не заслуживающей внимания внешности, была она – Наташка. Ласково-игривая девочка с тёплыми зелёными глазами, темноволосая, невысокая, по-детски беззащитная и по-женски влекущая, соблазнительная. Сергей Иванович, соблазнившись, долго не тянул – сразу позвал замуж, сильно опасаясь молодых конкурентов и ещё сильнее немолодых партнёров. Он пустил в ход всю свою силу, и девочка не устояла.

Свадьбу сыграли в «Angels» – самом дорогом ресторане города, приглашённых веселили лучшие в городе музыканты, невеста сидела в платье, заказанном у модного московского модельера за сумму, равную стоимости путёвки на двоих «всё включено» куда-нибудь в Таиланд. Кстати, свой медовый месяц молодожёны там, в Таиланде, и провели.

Въехав полноправной хозяйкой на Набережную, 27 – в новый особнячок Сергея Ивановича, старый дом он оставил дочерям, – Наташка успела всячески насладиться силой мужа и привыкнуть к ней. С грубостью же, напротив, столкнулась впервые и потому не на шутку испугалась.

– Что случилось, Серёж? – хлопала она глазками, слёзно залитыми ужасом, искренним и чистым, как у ребёнка. – Что случилось?

Сергей Иванович, страшный, почерневший от злости, не выбирая выражений, орал на кого-то в трубку телефона:

– Меня не интересуют ваши проблемы! А?! Что?! И возможности ваши меня не интересуют! Я сказал: узнать! Узнали?! Не узнали! Я сказал: найти! Нашли?! Нет! И кто вы после этого?! Что?! Да меня не интересует, кто вы, я знать вас не хочу!

– Серёж, я тебя боюсь, – робко проговорила Наташка, когда всё стихло.

– Меня? – лицо его, страшное и почерневшее, вдруг побледнело и сделалось виноватым, и он зачистил: – Меня? Ангел мой, девочка моя, ты что? Испугалась? Ну что ты? Ну? Меня испугалась? Меня?

– Да, – то ли смущаясь, то ли досадуя на саму себя, нахмурилась она. – Ты какой-то злой дядя был...

– Я? Злой дядя? Ну что ты? Да разве я дам тебя в обиду? Это так, по работе. На работе иногда надо быть... злым дядей.

Он притянул её к себе нежно, но настойчиво, ощущая упрямое недовольство.

– Ну, не упрямься же, всё хорошо, всё хорошо...

– Нет! – раскапризничалась она. – Мне не нравится, когда ты такой.

– Какой?

– Мне не нравятся грубости.

– Да хватит тебе... Разве я грубый?

– Грубый.

– Да перестань! Я с тобой грубый?

– Вот ты начинаешь злиться, и я уже боюсь, что ты станешь на меня орать, как по телефону, и хватать вот так – что есть силы...

– Неправда, я не хватаю тебя, я просто... обнять тебя хочу, вот упрямая, а!

– Обнимают нежно, а не как злые дяди!

– Я нежно.

– Грубо!

– Тоже мне грубости нашла. Ну ладно, ну прости меня. Простишь?

– Прощу... Только не кричи так больше, пожалуйста. Ладно?

Она наконец поддалась и прижалась к нему, обнимая ласково-игривыми ручками.

– Ладно. И откуда только знает, как злые дяди обнимают? Ох, Наташка, девочка моя...

– И не охай так! – рассмеялась она весело. – Как дед старый!

Сергей Иванович взглянул в её тёплые зелёные глаза и, радостно подхватив на руки её тельце, все эти влекущие, соблазнительные женские прелести, понёс в спальню, на сладко пропахшую её духами кровать.

Нет, он не был с ней грубым. Глядя на почти детскую, с по-девичьи невыраженными формами фигурку, он боялся своей грубости. Старался быть лёгким и чутким. А позже – засыпая в разгорячённом бреду, нежно клал руку на влажную трепетность беззащитного места. Закрывал ладонью. Защищал... Умиляясь детскостью, Сергей Иванович временами и сам впадал в детство. Заражался странной, бездумной, непростительной для взрослых глупостью. Ему нравилось чувствовать руками то, что у него в руках.

Глава II. В руках

В руках много не удержишь: рано или поздно начнёт что-нибудь валиться из них. Поднимешь вроде – упадёт другое. И ещё одно. И опять первое. И пошло-поехало...

Осенью Сергей Иванович захандрил, часто подходил печальный к окну, смотрел на потемневшую, налившуюся холодом реку и что-то думал. И надумал – в день, когда лёг снег. Позвонил старшей дочери. Приезжай, мол, разговор есть.

– Решил я часть бизнеса тебе передать, – пояснил он. – Справишься?

Та, конечно, не ожидала. Растерялась. С одной стороны, радостно, с другой – боязно. А вдруг подвох какой? Но девка умная, серьёзная, вся в отца – руки к его богатству тянуть не спешила.

– А что так?

– Дела плохо идут... – Сергей Иванович начал тоже издалека, немного вальяжно, немного туманно, уклончиво.

Ей такая его интонация не понравилась, и она перебила:

– Так ведь кризис, пап.

– А ты не перебивай! – резко вспылil он и сразу же потух. – Послушай... Сон мне снится часто, не каждый день, но раз в две-три ночи точно, один и тот же сон... Дом какой-то, обычная как бы пятиэтажка... гаражи рядом, двор ряд каштанов огибает... плоды от них, ершистые, много, на асфальте валяются... поодаль скамейка, молодёжь на ней... пацаны бу-бу-бу, девки визжат... А я не один будто... Сначала мать ваша, покойница, меня туда тянула... Потом все подряд начали – вы с сестрой, Наташка, все... Последний раз парень какой-то, длинный, худой, косматый... голос такой гнусавый у него, будто простуженный, сопли говорить мешают... Пойдём, мол. И в дом тоже зовёт. Замучил меня этот сон... Я уж и ездил даже по городу, искал дом тот... но не нашёл...

– Устал ты, пап, наверное, – участливо пособолезновала дочь, его большую тяжёлую руку в свои ручки с красивыми ноготками взяла. – Не знаю... Может, отдохнуть, на курорт хороший съездить? К психологу сходить?.. Или в церковь? В церковь, свечку поставить? А, пап?

– Дом я хочу тот найти, чувствую, что не бред это, где-то есть он.

– Ой, да зачем он тебе сдался? – она с досадой убрала руки. – Пусть есть где-то этот дом. Допустим! Россия большая. Но ты-то здесь при чём? Ну что с тобой, пап? Сам на себя ты не похож...

– В том-то и дело, в том-то и дело, – охотно согласился он. – Силу терять я стал. Потому и зову тебя мне на помощь... Ну на кого мне ещё надеяться? Ты же моя старшая дочь, умница... Справишься?..

– Справлюсь, – с улыбкой пообещала старшая дочь.

На следующий день прилетела и младшая – резкая, порывистая, встревоженная. Не раздеваясь, просто стряхнув снег с капюшона, впопыхах чмокнула в щёчку. Выпалила, сбиваясь, невпопад глотая воздух:

– Папа, это не люди тебя ведут, это ангелы!.. То есть не ангелы... то есть не то, что мы привыкли считать ангелами, не розовенькие, как поросята, детишки с крылышками... а настоящие ангелы! Настоящие ангелы – другие, пап!.. У каждого человека есть ангел или... я не знаю... у каждого ангела есть человек. Поэтому они так похожи – человек и ангел. Они всегда вместе. И ангел всё знает о человеке. От ангела, как от себя самого, человек ничего не может скрыть!..

– И куда же они меня ведут, твои ангелы? – усмехнулся Сергей Иванович, успокаивающе погладив её по голове, словно маленькую девочку, «по головке», так же, как делал это и десять, и двадцать лет назад.

– Зря вот ты смеёшься, – обиделась она. – Ангелы помогают людям. В особенных случаях. Уводят от беды. Открывают тайны. Показывают путь. Вот и тебе что-то показывают! Причём не только один твой ангел, а все. Так бывает, когда один ангел не в силах справиться, и ему другие помогают... всё как у людей, так и у них... Они тебя спасти хотят. Что-то серьёзное у тебя, пап!.. Расскажи мне сон, пожалуйста!

Он с нескрываемой горечью кивнул:

– Да снится одно и то же. Надоело. Дом какой-то... И сегодня тоже снился. Вошёл я всё-таки внутрь... Либо гостиница, либо общага это... Небольшой вестибюль, вахта, за стеклом бабка сидит, семечки грызёт... Дальше лестница... Я зашёл и проснулся.

Приехала с учёбы Наташка.

– Привет! – добродушно хлопнула она в ладошки и плюхнулась на диван рядом с мужем. – Что новенького?

– Привет, – дочь снисходительно улыбнулась. – Всё по-старому. А у тебя? Учишься ещё? Когда диплом?

– Весной, – Наташка крепко прижалась к Сергею Ивановичу. – Замёрзла... Ой, ты такой тёплый!..

Сергей Иванович засмутился. В глубине души он стыдился подобных нежностей в присутствии дочерей, особенно младшей. Стыдился целоваться, держать за руку, брать под руку, стыдился даже этого «ты».

Дочь упорхнула так же стремительно, как и появилась. Он проводил её до двери и вернулся к Наташке.

Наташка промурлыкала сонно с дивана:

– Серёж, чего она рассказывала-то?

– Да так... Ангелы, говорит, всё знают.

– Кто знает?

– Ангелы.

– Ах, ангелы... Понятно. Странная она у тебя какая-то...

– Нормальная, – буркнул Сергей Иванович, отвернувшись к окну.

– Ну прости, не обижайся, – она встала и подошла к нему сзади, обняла, провела рукой по животу вниз, расстегнула пуговицу брюк, ширинку, пробралась внутрь, нащупала, обхватила.

Ночью, когда в разгорячённом бреду он опять закрывал ладонью её беззащитное место, на улице возле дома остановилась машина. Просигналила пару раз настойчиво, затем развернулась, обдав, будто кипятком, тёмные окна ярким светом фар, коротко взвизгнула и уехала.

Сергей Иванович вскочил, наскоро набросил на себя халат и выбежал на улицу. На другой стороне дороги, облокотившись на парапет, стоял парень – длинный, худой, косматый. Мёрз, шмыгал носом. Курил сигарету. Отчего-то очень знакомый парень.

– Эй, парень! Дружище!.. Номер машины не запомнил? Которая сейчас только уехала, нет?

Парень задумался на мгновение и прогнусавил:

– Ща... Помню вроде... ща скажу... Чёрная «бэха», семёрка, номер: эс, два, семь, два, эн, вэ, кажется... не, точно – эс, два, семь, два, эн, вэ!

Сергей Иванович узнал парня. Тот самый – из сна.

– Спасибо, пацан... На, держи, на пиво тебе!..

Сунул парню пятисотку, выгнал из гаража свой белый «мерс» цэ-класса и дал по газам – рванул туда, куда уехала машина с номером С272НВ.

Оказалось, недалеко уехала – чёрный BMW 750 стоял на светофоре на ближайшем большом перекрёстке. Сергей Иванович на «зелёный» успел пристроиться за ней. Погнались. Свернули к мосту через реку. Миновали мост.

Заречная сторона города – старая, слабо освещённая – почти сплошь была застроена советскими пятиэтажными коробками. Машина петляла по тёмным улочкам столь ловко, что Сергей Иванович боялся вот-вот её упустить. И в итоге упустил – сам не понял, как попал в тупик. Остановился, огляделся. Присвистнул от удивления. Пятиэтажку, нависавшую в тупике мрачным торцом, он не мог ни с чем перепутать. Вот каштаны, скамейка, дальше гаражи. Вышел, посмотрел адрес. Заречная, 72.

В глубине двора, из-за гаражей, послышался шум мотора. Ослепительно брызнули фары. Машина остановилась.

Сергей Иванович вернулся к «мерсу», взял из бардачка «пээм» и осторожно проник во двор, прячась в темноте каштанов. Притаился. Вскоре всё смолкло, свет погас. Из машины показался человек, рослый мужик в деловом костюме, он хлопнул дверью и быстро исчез в доме.

Сергей Иванович что есть силы побежал за ним. Вот знакомый вестибюль – всё, как во сне. Вахта. Дальше лестница. На вахте бабки не было. Странно. Он устремился к лестнице, задрал голову вверх, там слышались глухие шаги. По звуку – этаже на четвёртом или пятом. Держа «пээм» наготове, поднялся сначала на четвёртый. Длинный обшарпанный коридор – вправо и влево. Ряд дверей по сторонам. Тусклый, моргающий свет ламп. Никого. Поднялся на пятый. Глянул вправо. Влево. Ага, вот он. Человек стоял перед дверью в самом конце коридора.

Сергей Иванович, направив на него пистолет, окликнул:

– Э, мужик!

Мужик обернулся, и его лицо ужаснуло. Что за чертовщина?! Человек как две капли воды был похож на Сергея Ивановича. Один в один. И вообще чудилось, будто это он сам и есть.

Сергей Иванович не совладал со страхом и выстрелил. В тот же миг боль пронзила его самого, помутнело, поплыло, слилось всё вокруг, и он уже ничего не видел, кроме своей руки с пистолетом. Кроме пистолета. Кроме ствола пистолета. Кроме его смертоносной оконечности.

Глава III. О конечности

О конечности человеческой жизни сказано много. Но осознание этого на личном опыте всё равно становится неожиданным потрясением. Тут и говорить нечего.

Той ночью Сергея Иваныча поразил инфаркт. И пока перепуганная насмерть Наташка вызывала скорую помощь, пока помощь медлила, пока, наконец, медики спасали ему жизнь, он сквозь боль смотрел себе, распростёртому на грязном полу, в чистые, цвета безоблачного неба, глаза. В глаза своему ангелу. И казалось, ангел говорил: «Видишь? Видишь, как это бывает? Видишь, что такое смерть?».

Полгода Сергей Иваныч не мог прийти в себя, стать прежним. Похожим на себя прежнего. Часто вроде бы ни с чего охватывало беспокойство, сосущее «под ложечкой». Беспокойство нередко переходило в тревогу – мучительную бессонницу, неотступное ночное блуждание рваных, нервных мыслей. Тревога иногда рождала панический страх, трогавший душу ледяным безумием. И всякий раз такое состояние сопровождалось очередным сном про проклятый дом.

В который раз уже Сергей Иваныч стоял перед обитой неокрашенным оргалитом дверью с номером 272 и, не решаясь постучать, просыпался. В который раз, пересиливая волнение, стучал, но никто не открывал, и он просыпался. В который раз слышал за дверью голоса – знакомые, кажется, голоса – тихонько толкал дверь, та скрипуче ползла, открывая в проёме его взору бедную обстановку – потемневший от старости шифоньер, угол казённого вида кровати на пружинах, популярный в прошлом веке ковёр с оленями – и... просыпался.

Наташка переживала, тоже не спала в эти ночи.

– Что с тобой? – спрашивала. – Серёж, плохо тебе? Может, вызвать скорую?

Сергей Иваныч, сердясь на самого себя, на своё какое-то слабое, ему несвойственное, беззащитное перед необъяснимой нагнетающей страх силой состояние, иной раз еле сдерживал рвущиеся наружу слёзы.

– Ангел мой, не надо, Наташка, не надо скорую. Это сон опять... сон опять проклятый меня замучил, – и принимался было рассказывать.

Но она перебивала с виноватой улыбкой:

– Ой, ну что ты? Нельзя же снам верить. Не верь. Мне вот сны вообще не снятся, потому что я в них ни капельки не верю.

И он давил в себе слёзы. Давил в себе обжигающее изнутри желание облегчиться. Да и перед кем облегчаться? Не было в его жизни таких людей. А остальные засмеют. Почувствуют слабость и загрызут. Люди – не ангелы, люди такие. Возможно, кто-то прямо сейчас терпеливо точит нож зла, чтобы при первой удобной возможности воткнуть его в твою спину.

И их много, этих «кто-то». Сергей Иваныч не раз переходил им дорогу. Не раз дорогу ему переходили они. Однако как бы там ни было нужно никогда не забывать главное правило – любая дорога имеет конец.

Сергей Иваныч держал за правило в конце рабочей недели, по пятницам, совершать встречи с важными людьми в ресторане «Angels». Такие неформальные посиделки – душа бизнеса, ибо они позволяют поговорить с партнёрами и врагами по душам.

Весной несколько таких встреч по разным причинам сорвалось, какие-то состоялись, но неожиданно произвели негативные последствия, другие закончились впустую, без какого-либо выгодного прогресса, и лишь очень малая часть дала дивиденды. Потому летом большинство запланированных ранее встреч потеряло всякий смысл, а на оставшиеся Сергей Иваныч плюнул сам, улетев с Наташкой, счастливо расквитавшейся со своей учёбой, в Таиланд. Дела зашли хуже некуда, и только одна встреча могла их как-то поправить.

Под конец отпуска, уже в сентябре, позвонила старшая дочь. Её голос был снисходительно ласков, но в казалось бы привычной снисходительности окончания фраз звучали не по-тайландски холодно.

– Привет, пап. Как отдых?

– Привет. Долго втягивались. Наташка говорит, что только-только начали по-человечески отдыхать...

– Пора заканчивать. У меня две новости. Одна плохая, другая хорошая. С какой начать?

– К плохому нам последнее время не привыкать. Давай с плохой.

– Всё кончено. Мы банкроты, пап. Не важно – сегодня, завтра, через месяц, через два, но мы неминуемо банкроты.

– Ладно... – Сергей Иванович с фальшивой невозмутимостью кашлянул. – А хорошая?

– Человек из Москвы готов с тобой встретиться.

– Хорошо, поставь на следующую пятницу. В «Angels».

– Нет, он сказал в понедельник. И там, где он скажет.

В Таиланде была ночь, и Наташка только уснула. Иначе бы он расшиб телефон об стену от злобы, отчаяния и униженного самолюбия. Только теперь ему стал понятен смысл фразы «всё кончено». Это уже даже не нож в спину. Это гвозди в крышку гроба. Неумолимая окончательность чего-то убийственно-острого. Но не в живое, а уже мёртвое.

Наташка спала – сладко, по-детски безмятежно, заразительно. Во сне обнажив беззащитно-соблазнительные, зовущие женские прелести. Сергей Иванович нежно, с бескорыстной заботой укрыл её покрывалом. Как хороший папа.

В эту ночь ему снова приснилось, будто он стоит перед обитой неокрашенным оргалитом дверью с номером 272 и не решается постучать. В комнате слышались голоса – смутно, слов не разобрать, но интонации какие-то гадкие, вкрадчивые.

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге возник тот парень – длинный, худой, косматый. С сигаретой в уголке рта. В морской тельняшке с длинными рукавами, закатанными до локтей.

– Ну? Нашёл всё-таки? – сказал парень, цепко взглянув в глаза.

Сергей Иванович проснулся, словно в крещенскую прорубь ахнул, – свежий, заряженный, готовый на действие. Аж жить захотелось. Проснулся, но не вставал, долго любовался Наташкой. Боялся разбудить. Думал: «А и пошло оно всё на... Бог дал – Бог взял. Ничего, кроме неё, не надо, ничего».

В воскресенье они возвратились из Таиланда. А в понедельник утром позвонил важный человек из Москвы.

– Когда? Где? – сухо спросил Сергей Иванович.

– Не волнуйтесь, за вами заедут.

Через час к его дому подъехал чёрный BMW 750, настойчиво просигналил пару раз. Наташка, испуганно посмотрев в окно, возмутилась:

– Серёж, это к тебе, что ли? А почему так грубо? Какие-то злые дяди.

– Ну что ты? Ну какие злые дяди?.. Разве я дам тебя в обиду? Это так, по работе. На работе иногда приходится быть... злыми дядями.

Он притянул её к себе нежно, но с силой, ощущая упрямое недовольство.

– Ты уезжаешь? – она выскользнула. – А когда приедешь?

– Опять вот упрямится... К вечеру, как всегда.

– А потому что ты опять грубый, – её тёплые зелёные глаза насмешливо прищурились. – Ладно, буду ждать. Иди уже к своим злым дядям.

И он ушёл. «Злые дяди» на бандитской BMW 750 отвезли его на заречную сторону города.

Важный человек из Москвы ждал в тихом кафе, затерянном где-то в глубине массива безликих пятиэтажных коробок. Он крепко пожал руку, затем вежливым, но властным жестом предложил сесть.

– Сергей Иванович, давайте сразу к делу. Мы приветствуем ваше решение и считаем его единственно верным.

– Я ещё ничего не решил, – запротестовал Сергей Иванович, проявляя характер.

Человек, крепыш невысокого роста, с острым, хищным взглядом, снисходительно улыбнулся.

– Вернёмся к нашему прошлогоднему разговору. Во-первых, вас зря не интересовали наши проблемы. Во-вторых, вас совершенно напрасно не интересовали наши возможности. Вы сказали узнать – мы узнали. Вы сказали найти – мы нашли. Надеюсь, вы теперь понимаете, с кем имеете дело?

– Что вы от меня хотите?

– Вашу подпись. Подписываете – и делу конец, мы решаем ваши проблемы. Вы продолжаете наслаждаться жизнью. В жизни ведь столько всего интересного. У вас ведь молодая, красивая жена, верно?

Сергей Иванович почувствовал неприятный холодок, пробежавший по спине, и опять беспокойно засосало «под ложечкой». Крепыш смотрел пристально, не моргая и не отводя взгляда, с пугающей прямоотой, с непоколебимой силой собственного превосходства. Вдруг вспомнились глаза того косматого парня в морской тельняшке – из сна. И показалось, будто это те же самые глаза. Жалящие больно и страшно, как остриё иглы.

Только теперь не сон. Реальность бывает куда беспощаднее. Всё, что вышло, – слабая, преодолевающая ком в горле, попытка огрызнуться:

– Это вы к чему?

Крепыш снисходительно смягчился:

– Это к тому, что есть вещи, которые бесценны. Остальное, как говорится, Бог дал – Бог взял. Берегите себя, Сергей Иванович. Всего доброго. Вас отвезут.

Сергей Иванович подписал предложенные бумаги и опустошённый вышел на улицу, где его ждали «злые дяди» на чёрной «бэхе». Один из них услужливо открыл заднюю дверцу. Другой грубовато осведомился:

– Куда вас отвезти-то?

– Туда, откуда вы забрали. Домой. Набережная, 27, – ответил тон в тон, просто вставив чужую эмоцию в свою пустоту.

И вдруг заметил номер машины – С272НВ. Сердце ёкнуло, что-то пошатнулось внутри и стало падать, неповоротливое, тяжёлое, но удержалось, не упало. А может, это он сам пошатнулся и чуть не упал. Сел в машину и подумал, приходя в себя: «Господи, что это? Что происходит со мной? Неужто и правда ангелы меня куда-то ведут?».

– Везите меня на Заречную, дом 72, – скомандовал он, ощущая в себе прилив невероятной бодрости и даже здоровой злости. – Найдёте?

Водитель ткнул пальцем в экран навигатора.

– Мы всё найдём.

«Бэха» рванулась, быстро набирая скорость, и понеслась, ловко петляя по узким улочкам и подворотням.

Сергей Иванович всматривался в окно с волнением и в то же время с изрядной долей скепсиса, усмехаясь над самим собой. Это было похоже на какую-то нелепую игру, будто бы два разных человека боролись друг с другом, втайне стараясь проиграть. Первый – циник, цинизм которого основан на гегемонии разума и здравого смысла – в глубине души боялся столкнуться с необъяснимым и со всё более нараставшим убеждением верил, что это столкновение неизбежно. А второй – легковёрный авантюрист, увлекающийся любой глупостью сердца – чем

далее, тем больше совсем не желал сталкиваться с необъяснимым, с надеждой ожидая разочарования.

И когда Сергей Иванович уже готов был вздохнуть с облегчением, «бэха» юркнула во двор, втиснутый между гаражами, двумя зданиями – пятиэтажкой и двухэтажкой – и длинным рядом старых каштанов. Миновав двухэтажку, встала у единственного подъезда пятиэтажки.

– Приехали, Сергей Иванович, – сухо сказал водитель. – Заречная, 72.

Сергей Иванович покрутил головой. Странно как-то. Вроде не так уж и похоже. А с другой стороны... вон даже скамейка стоит поодаль, и молодёжь на ней – пацаны «бу-бу-бу», девки визжат.

– А что это за место-то, не в курсе? – спросил он растерянно.

Водитель пожал плечами. Ответил тот, грубоватый, что сидел рядом с ним.

– Речное училище. Двухэтажка – учебный корпус, а пятиэтажка – общежитие.

Сергей Иванович вылез из машины и пошёл к подъезду. Под ногами захрустели ершистые плоды каштана, валявшиеся тут в изобилии. Он остановился и проводил глазами таинственную «бэху» с номером С272НВ.

Из подъезда вышла бабка-вахтёрша, высыпала с газеты прямо на асфальт семечную шелуху, и уставилась изучающе. Однако Сергей Иванович всегда, ещё с тех самых девяностых, выглядел солидно и безупречно – как большой начальник, поэтому она от греха решила подлизаться. Опережая его, пропищала с заискивающей улыбкой и даже раскланялась учтиво:

– А вы к кому? К нам? По какому вопросу?

– По личному, – ответил он. – Комната 272. Есть у вас такая?

– Есть. Вы к Владику, что ли?

Сергей Иванович промолчал. Просто прошёл мимо бабки в тесный вестибюль, заставленный всяким общажным барахлом – тумбочками, партами, стульями. В вестибюле со скукающими лицами бездельничали подростки-студенты – кто сидел, копаясь в телефоне, кто бродил лениво из угла в угол.

– Эй, молодёжь! Двести семьдесят вторая комната где? – громко спросил он.

– На пятом. Прямо по лестнице, налево, по коридору до конца, – пугливо отчитался кто-то.

Сергей Иванович поднялся по лестнице на пятый этаж. Длинный обшарпанный коридор – вправо и влево. Правая сторона освещённая и шумная, орала музыка, то тут, то там раздавался весёлый смех. Левая – тихая и тёмная, только в самом конце тусклой дрожью горела лампа «дневного света».

Он свернул влево. Ряд дверей по сторонам. Дошёл до конца, там, где горела лампа, увидел дверь, обитую неокрашенным оргалитом, с номером 272. Встал перед ней, подавляя волнение. Дико колошматилось сердце. Теперь уж было действительно не до шуток. В комнате слышались голоса – смутно, слов не разобрать, но интонации какие-то гадкие, вкрадчивые. Голоса эти показались ужасно знакомыми. Особенно один из них.

Впрочем, Сергей Иванович ни о чём не думал. Полностью осознавая происходящее, он ощущал в себе необъяснимое ведение. Будто некто и вправду его вёл. И ему можно было доверять. На него можно было положиться, потому что он вёл не на гибель, а напротив – уводил от неё.

Это же внутреннее чувство заставило уверенно толкнуть дверь и войти. Противно пахнуло чем-то похожим на вонь грязных мужских носков, смешанную с пропитанным сыростью сигаретным дымом.

За потемневшим от старости шифоньером стояла казённого вида кровать на пружинах. Над ней висел ковёр с оленями. На кровати лежала Наташка в морской тельняшке с длинными рукавами. Тельняшка задрана донельзя, обнажив грудь с острыми возбуждёнными сосками. Ноги широко распахнуты, как у ненасытной шлюхи, бесстыдно розовела в тёмном пучке

интимных волос влажная трепетность беззащитного места, которое Сергей Иванович защищал ладонью, засыпая в разгорячённом бреду на брачном ложе. «Место» лапал, ковыряясь пальцами, голый пацан лет двадцати – длинный, худой, косматый.

– Пусечка моя... пусечка моя... – приговаривал он гнусавым голосом, шмыгая носом.

Орган пацана, такой же длинный, худой и косматый, побагровел от вожделения, а с самой его оконечности свисала бесцветная половая сопля.

Первой опомнилась Наташка, вскрикнула, быстро прикрылась тельняшкой, натянув её до колен. Вытаращила на мужа испуганные глазёнки.

Пацан зачем-то бросился к двери. Но Сергей Иванович встретил его сокрушительным ударом в нос. Тот отлетел к шифоньеру, хлёстко стукнулся об него башкой и, упав, застонал. Из носа обильно пошла кровь.

– Серёж... – заныв, начала Наташка.

– Заткнись, сука, – оборвал её Сергей Иванович. – Я тебе больше не Серёжа. Завтра же заберёшь свои вещи и уберёшься из моего дома. Поняла? Грубости... Грубости, говоришь? Поверь мне, ты ещё узнаешь, что такое настоящая грубость.

Не помня себя, в горьком, почти бессознательном тумане, он вышел на улицу. Вдохнул чистый воздух. И позвонил младшей дочери:

– Ты была права, дочка. Ангелы есть. И они всё знают.

– Ты о чём, папочка? – заволновалась та. – С тобой всё хорошо?

– Ангелы знают, – повторил он. – Ангелы всё знают. Этот мир груб, дочка. Потому что человек груб. Всюду властвует грубая животность, звериность. Поэтому человек ничего не видит, ничего не чувствует. Поэтому ничего не знает. А мир ангелов чист и нежен. Ангелы не выносят грубости.

Такие странные сны в стиле фьюжн

Сон 1. Топик

Сонечка никак не могла дождаться лета. Ах, какая долгая зима!.. Ах, какая тяжесть!.. А так хотелось лёгкости, такой лёгкой-лёгкой, почти невесомой. Как после душа. Только после душа бывает усталость, а усталая лёгкость грустна. Сонечка же мечтала о радостной лёгкости, о летней радостной и бодрой лёгкости.

Короче, очаровательная шубка из соболя, которую подарил папа перед Новым годом, надоела уже через месяц. Весь февраль Сонечку мучили собственные капризы и депрессия. За что частенько именно папе и доставалось.

Хотя папа, конечно же, ни в чём не виноват. Папа же не может убрать зиму и поставить на улицу лето. Папа мало что может, как сказала мама, и это единственное, в чём она безоговорочно была права. В остальном же мамина вина в тыщу раз больше папиной. Проклятушая депрессия целиком на её совести.

А как же? Она почему шубы так обожает? Известно – в шубе мама ещё вполне привлекательна. Без шубы же что-то как-то не очень...

Летом же на маму и взглянуть страшно. Да и стыдно. Летом Сонечка предпочитала лучше не иметь маму, чем «проваливаться сквозь землю», будучи рядом с ней при встрече какого-нибудь некстати подвернувшегося знакомого парня из университета.

Летом мама не нравилась даже папе. «Понятно», – сквозь зубы произносил он, когда она безуспешно пыталась влезть в собственное прошлолетнее платье, и, кажется, принимался худеть вместо неё – не ел толком, не пил толком, не спал толком. И получалось: папа худел, а мама... Мама покупала другое, более просторное платье и продолжала наслаждаться жизнью.

В марте Сонечкина депрессия потихоньку сменилась неким сумбурно-волнительным ожиданием. В апреле вместе с таянием снега сумбур в волнительном ожидании растаял, образовав внутри одну сплошную волнительную кашу. У Сонечки закружило голову – она частенько стала прогуливать занятия, поздно возвращаться домой и ложиться спать, не принимая душ.

Родители, видя такие «разброд и шатание», также заволновались – папа не ел толком, не пил толком, не спал толком, а мама, не в силах справиться с нервами, напирала на сладкое и мучное.

Наконец, наступил май. С каждым днём становилось всё теплее и солнечнее. Сонечка с торжественной тщательностью надела на все курточки полиэтиленовые коконы и повесила в гардероб.

Остальные зимне-весенние вещи полмесяца неприкаянно пылились на стульях и спинках кровати, пока одним очень тёплым и очень солнечным днём не отправились в стирку поспешно и холодно.

Иначе никак. В этот день Сонечка торопилась на встречу со своим новым молодым человеком и с ужасом выкидывала летние шмотки на постель, не зная, что же ей на себя сегодня натянуть: всё надоело и ничего не подходило.

И тогда неожиданно подвернулся он – ярко-оранжевый топик, любимец прошлого сезона. «Так, – Сонечка призадумалась. – Не рановато ли?». Однако сразу же дала «добро»: не рановато – на улице жара, раз, топик миленький и уж очень идёт, два, «новый молодой человек» наверняка придёт в восторг, три. Решено. А что? Ярко. Стильно. Сексуально.

Через полчаса она бодро спускалась в метро, звонко подпрыгивая на каблучках, соблазнительно поигрывая бёдрами и сверкая оголённым животиком. Дерзкий и вместе с тем ласко-

вый майский ветер эффектно будоражил её волосы из стороны в сторону, попутно бросая ей в лицо цепкие глаза мужчин и завистливые взгляды женщин.

Сонечка была на сто процентов довольна собой. Ах, какая она красавица! Спасибо маме и папе. И, конечно, солярию.

Войдя в вагон, она скользнула выразительным взором в сторону симпатичного парня, сидевшего на противоположной стороне, несколько вправо, и «припарковалась» возле дверной стойки.

Поехали. Людей было не то что бы много, но достаточно для некоторой неловкости. Особенно тревожила высокая угловатая дама в старомодной панаме – её костлявый локоть то и дело упирался Сонечке в правое плечо или лопатку. Сонечка несколько раз отстранялась, но не помогло – дама тотчас же «съедала» уступленные сантиметры, продолжая упираться.

Остановились. Сонечка снова одарила выразительным взором симпатичного парня. Тот, засмущавшись, отвёл глаза.

Поехали. Дама убрала локоть, но повернувшись фронтом, стала источать омерзительный запах «свежести» дезодоранта. Сонечка презрительно отвернулась.

Остановились. Слева появился некий военный с рыжими усами. В руках он держал дипломат, что очень досаждало Сонечкиной коленке. Пришлось забирать уступленные угловатой даме сантиметры обратно. Та, нехотя, повиновалась. Остановились. Поехали.

– Девушка, может, присядете? – послышался голос откуда-то снизу.

Сонечка опустила голову и увидела грузного лысого мужика в клетчатой рубашке. Его густо-красное полное лицо было обильно покрыто испаринами, а маленькие бледные глазки сквозь липкую поволоку выражали всяческое беспокойство.

– Нет, спасибо, – вежливо отказалась она.

Через остановку угловатая дама наконец-то вышла. Её место заняла женщина помягче. Но, увы, побольше. Коленка опять уткнулась в дипломат военного с рыжими усами. Сонечка неоднократно бросала на него свой выразительный взгляд, но тот никак не реагировал, только безучастно шевелил усами и сильнее давил дипломатом.

Остановились. Грузный лысый мужик полез к выходу.

– Девушка, присаживайтесь, – произнёс он настоятельным тоном и, проходя мимо, обтёр Сонечку своей влажной от пота клетчатой рубашкой. Сонечке показалось, что даже сами клетки налипли на неё.

Пока она приходила в себя, место заняла большая мягкая женщина. И это было прекрасно!

Поехали. Дипломат военного больше не тревожил. На следующей остановке вышел симпатичный парень, и Сонечка, присев на освободившееся сиденье, далее доехала без каких-либо омрачений.

Далее вообще никаких омрачений не было. Во-первых, «новый молодой человек» пришёл в восторг от Сонечки. Во-вторых, Сонечка пришла в восторг от «нового молодого человека». И, в-третьих, они прекрасно провели время.

На омрачение с натяжкой тянуло только то, что после захода солнца стало заметно прохладнее, и топик оказался существенно легкомысленнее лёгких майских вечеров.

Но, в-четвёртых, «новый молодой человек» оказался настолько внимателен и обходителен, что это лишь «помогло» Сонечке почувствовать себя ещё более счастливой и востребованной. Ну и, в-пятых, домой она приехала вопреки всем «угловатым дамам», «военным с усами» и «лысым мужикам» на такси. А «новый молодой человек» получил в подарок «маленький невинный поцелуй». А что? Заслужил.

Сонечка же заслужила хорошее настроение и внутреннюю гармонию. Наконец-то ничего её не тяготило. Она приняла продолжительный душ и – устало-довольная – легла спать.

Но утром всё решительным и резким образом изменилось. От хорошего настроения не осталось и следа. Внутреннюю гармонию опять сменила депрессия, похлеще зимней. Всё тяготило и раздражало. Сонечка даже не пошла в университет.

До обеда провалявшись в постели, она с трудом заставила себя подняться, чтобы хотя бы почистить зубы и умыться. Оставленный мамой завтрак остался нетронутым. Оставленные папой деньги на день не доставили никакой радости. Сонечка врубила телик и, рассеянно переключая каналы, беззвучно плакала.

А всё из-за чего? Из-за проклятого сна. Он никак не выходил из головы – не забывался, ничем не забивался, никак не разбивался спасительной и умиротворяющей реальностью. Сонечка поминутно прокручивала его у себя в голове и не могла понять: к чему? зачем? за что? К чему приснилось такое... странное, мерзкое, непонятное? Зачем именно такое и именно так... странно, мерзко, непонятно? За что она должна была видеть такое, переживать такое, быть в таком... странном, мерзком, непонятном?

Во сне Сонечка снова была в метро, опять видела вчерашних симпатичного парня, угловатую даму и прочих, но пережила нечто совсем иное.

Войдя в вагон, она скользнула выразительным взглядом в сторону симпатичного парня, сидевшего на противоположной стороне, несколько вправо, и «припарковалась» возле дверной стойки. Парень отчего-то ухмыльнулся.

Поехали. Людей было как бы много, но в то же время как бы совсем мало. Сонечка ощущала возле себя только угловатую даму – её костлявый локоть то и дело упирался то в плечо, то в лопатку. Сонечка несколько раз отстранялась, но не помогало – дама, отчего-то тоже ухмыляясь, продолжала упираться.

Остановились. Сонечка снова взглянула на симпатичного парня. Тот захохотал каким-то жутким бесстыдным смехом.

Поехали. Дама убрала локоть, но повернувшись фронтом, тоже захохотала. Сонечка в ужасе отвернулась.

Остановились. Слева появился военный с рыжими усами и дипломатом в руках. Сонечка надеялась найти в его лице защиту и поддержку, но он начал вести себя ещё более нахально и непристойно. Ей пришлось вернуться к хохочущей угловатой даме. Та крепко схватила её своими костлявыми пальцами за край топика. Поехали.

И тут Сонечка почувствовала неприятное влажное прикосновение к себе внизу: к своему обнажённому животу. Она опустила голову и увидела грузного лысого мужика в клетчатой рубашке. Его густо-красное полное лицо было обильно покрыто испаринами, а маленькие бледные глазки сквозь липкую поволоку выражали всяческое наслаждение.

– Ух, какая конфетка!.. Так бы и съел всю, – несвязно промычал он.

Сонечка рванулась было назад, но упёрлась в большую мягкую женщину. Угловатой дамы не было, только её пальцы почему-то продолжали оттягивать топик. Сонечка ощущала это со всей остротой и безысходностью.

– А ты, милая, как думала? – строго протянула большая мягкая женщина. – Думаешь, хорошо? Кобелей на себя пособирала и думаешь – хорошо? Думаешь, я так не могу?

И она стала стаскивать с себя одежду, с гневом разбрасывая её по вагону, пока не осталась совершенно голой.

А лысый мужик, ухватившись крепко руками за Сонечкины ягодицы, слюнявил языком Сонечкин живот.

Военный с рыжими усами одобрительно кивал головой. Его дипломат вдруг открылся и оттуда выпал ворох потрёпанного и грязного женского белья. Но тот никак не реагировал, только шевелил усами и исступлённо кивал головой.

Остановились. Сонечка, улучив момент, вырвалась и выбежала из вагона. Вслед за ней погнался симпатичный парень, который внезапно превратился в её «нового молодого человека».

На перроне как назло было безлюдно. Ноги как назло налились свинцом и отказывались бежать. И всё же ей удалось спастись. Он преследовал её долго, но она как-то избавилась от него. Просто выскочила в город и скрылась среди людей.

Она бежала, пока не обнаружила, что по пояс раздета. Её руки отчаянно закрыли обнажённую грудь, а глаза обратились назад, в сторону метро. Там, на пяточке, расхаживала угловатая дама в том самом ярко-оранжевом топике и в дипломат военного собирала разбросанное повсюду грязное женское бельё. Сонечка в бессилии заплакала и в слезах проснулась.

К чему? Зачем? За что? Она не могла ответить себе на эти вопросы. Она не хотела отвечать себе на эти вопросы. Она весь день потерянно просидела перед телевизором, а вечером, когда пришли папа и мама, схватила со спинки стула свой ярко-оранжевый топик и со злостью закинула его под кровать. Как-то сразу полегчало.

Сон 2. Каблуки

– Не каблук, а шпилька, – раздражённо сказала мама. – Это у меня каблук, а у тебя, Соня, шпилька!

– Ну и что, мама! – Сонечка задыхалась от возмущения. – Мне нравится!..

– Ты и так высокая... тощая, как спичка, куда ещё и ходили-то эти!

– Ну и что!.. Мне идёт, мама, я знаю!

– Да много ты знаешь! «Идёт» ей! Если человек перебарщивает, это никому не идёт!

– Идёт! Так модно сейчас!..

– Что за мода такая? Парень на голову ниже! Этот... Эдик-то твой...

– Не на голову.

– На полголовы! Сути это не меняет!

Сонечка обиженно нахмурилась и, присев, порывисто скинула очаровательные босоножки на удлинённом каблучке. Как от сердца оторвала.

– Ну... ладно, – вдруг смягчилась мама. – Дело твоё... Хочешь – как хочешь, – она кликнула девушку-консультанта: – Упакуйте и это тоже, пожалуйста! Сколько? Хорошо-хорошо... – и вполголоса непонятно кому: – Отец не обеднеет...

«Необедневший» папа ждал в машине возле магазина, и когда Сонечка с мамой после часового отсутствия всё-таки показались в окружении десятка пакетов, он резко погрузился и, кажется, похудел ещё больше. Впрочем, мама ничего не заметила. А Сонечка не стала её и себя расстраивать этим. Ведь шопинг есть шопинг. Мужчинам этого не понять.

Мужчины понимают другое – насколько хорошо женщина выглядит. Сегодня Эдик, то есть тот самый «новый молодой человек», обещал незабываемый вечер в каком-то клубе, и Сонечка должна была выглядеть сногшибательно. Босоножки на удлинённом каблучке были гарантировано сногшибательными. А что? Модно. Дерзко. Сексуально.

Эдик тоже оценил, когда вечером заехал за Сонечкой. «Вау! – сказал он. – Ты выглядишь... мм, как это... сногшибательно!». И его глаза стали такими приторными, мутными и глупенькими.

Сонечка же просто хладнокровно прошла мимо, тщательно контролируя ровность движения тазобедренных мышц, а внутренне с наслаждением замирая от восхищения этих приторных, мутных, глупеньких глазок и от самой себя – такой... ну да, такой сногшибательной.

Цок! цок! – по залитому вечерним солнцем асфальту. Цок! цок! – ловя цепкие взоры мужчин и завистливые взгляды женщин. Цок! цок! – сливаясь с ритмом города – аж мурашки пошли по коже! – цок! цок! Воплощение женской власти в этом цокании, шпильками, будто копытами, попирающем главу мудрого змия – мужского инстинкта охотника. Где твоя – о, муже! – сила? Где твоя – о, мужеская сила – победа? Всё «перецокали» женские ножки, обутые в звонкие каблук.

Эдик, «охотник», преисполненный гордости из-за крупной добычи в лице Сонечки, на полголовы возвышающейся над ним, всю дорогу до такси, припарковавшегося на выезде из двора, раскрылившись, склонял свою выю перед таковым великолепием, став совсем каким-то маленьким и ничтожным.

Может быть, поэтому местная пивная шушера – трое бывших Сонечкиных одноклассников – набралась чрезмерной наглости и «домоталась».

– Сонька, а ты куда такая нарядная намылилась? – пропищал первый.

– Куда надо, – огрызнулась она.

– А куда надо? – загоготал второй.

– Слышь, отстань! – огрызнулся «маленький и ничтожный» Эдик.

– Э, полегче, терпила! – пробасил третий.
– От терпилы слышу, – Эдик раскрылся ещё больше.
– Ты кого терпилой назвал? – пропищал первый.
– Слушайте, отстаньте, а? – разгневалась Сонечка.
– А мы ещё ни к кому не приставали, – загоготал второй.
– А ты даже и не думай! – разгневался Эдик.
– А то чё? – пропищал первый.
– Чё ты сделаешь? – загоготал второй.
– Ладно, пусть идёт, – пробасил третий. – Он с тёлкой... Западло... Ты это... Сонька, не обижайся!..

– Я на вас ещё в школе перестала обижаться: на дураков не обижаются, – проворчала Сонечка и крепко дёрнула Эдика за руку: – Пошли! Такси же ждёт...

Тот, поупрямившись, повиновался. И потом уже в клубе он постоянно то упрямился, то повиновывался. И причём всё невпопад. Или упрямился, когда не надо. Или повиновывался, когда не надо. Чем очень серьёзно портил Сонечке настроение. Сказала: «Пойдём, потанцуем». Заупрямился. Сказала: «Давай уйдём». Повиновался. Ушли. Пошлялись по ночному городу. Надоело. Посидели в парке. Надоело. Обнимались и целовались на холодной и не очень чистой лавочке. Сказала: «Поехали ко мне. Мои в деревню уехали». Заупрямился. Сказала: «Тогда я одна поеду. Замёрзла». Повиновался. Короче, испортил настроение вконец. Ну что ж, вызвала такси и уехала домой.

Возле подъезда «тусила» та самая шушера. Первый, сидя на корточках, курил. Второй мочился на угол. Третий громким басом вталкивал обоим следующее:

– ...По любому мы не правы. Он за бабу свою влез. Любой бы так сделал! Он – нормальный пацан! Мы вообще не по делу встряли. Нахрена, а? Стоим, пивасиком балуемся, настроение хорошее, взяли и прицепились!.. Слово за слово...

– Да я и говорю тебе! – сильно пьяным и потому сильно писклявым голосом перебил его первый. – Настроение хорошее! Тёлка знакомая идёт! Чё не пообщаться? А он – «терпила», все дела, пальцы веером!..

– Да он за бабу свою заступился! По любому мы... – взревел третий и осёкся, услышав цоканье очаровательных Сонечкиных босоножек на удлинённом каблучке.

Так некстати. Сонечка рассчитывала проскочить незаметно, держа в уме вечерний инцидент. Не получилось. Она внутренне напряглась, из-за чего контроль движения тазобедренных мослов стал особенно тщательным, а сами движения приобрели идеальную ровность.

Цок! цок! – по залитому грустным ночным светом асфальту. Цок! цок! – хлестким эхом, хлестко до непристойности нарушая зыбкую и чуткую тишину двора. Цок! цок! – ловя молчаливые сверлящие взоры пьяной компании – аж мурашки пошли по коже! – цок! цок!

– Сонька идёт! – неожиданно загоготал второй, отпрянув от обмоченного угла, запихивая на ходу «виновника» образовавшейся тут же пенистой лужи и сшибая по пути батарею из пустых бутылок и банок.

Первый вздрогнул, обронив сигарету, и поднялся.

– Сонь! – противным голосом пропищал он. – Ты это... слышь... без обид, ладно?.. Ты – классная девка! Ты это... знаешь... как мне нравишься!.. Я бы этого... твоего... враз укопал!.. Чё ты в нём нашла-то?..

– Сонька, мы – пьяные, не обращай на нас внимания, – пробасил третий.

– Я уже заметила, – проворчала Сонечка, хладнокровно проходя мимо.

Но первый перегородил ей дорогу. Он достал сигарету и, неторопливо прикурив, проикал что-то типа:

– Сонька... ты классная девка... Слушай... ты это... не обижаешься?..

– Э, алкоголик, дай пройти человеку! – прикрикнул на него третий, и только тогда Сонечка избавила себя от навязчивого общества своих бывших одноклассников.

Фу, ну вот и спасительная норка. В квартире царил ласковый уют: темно, тихо и спокойно. Настенные часы в прихожей пробили два. На кухне мурлыкающе гудел холодильник.

Сонечка включила свет, сняла очаровательные босоножки, аккуратно поставив их на обувную полочку, и – пройдя в свою комнату – обессиленно упала на кровать.

Уф! «Придурки! – сказала она сама себе. – И Эдик придурок!». А что? Из-за него же всё. Она же не думала, что будет возвращаться так поздно одна.

Ласковое действие спасительной норки сработало безотказно-быстро, и уже через мгновение Сонечка пришла в себя. Встав с кровати, она пошла на кухню, достала из холодильника папину бутылку пива и, откупорив, сделала пару маленьких глотков. А что? Должно сегодня быть хоть что-то хорошее! Кроме босоножек, конечно.

Потратив около часа на пиво, телевизор и душ, Сонечка легла в постель и с наслаждением закрыла глаза. Перед сном она хотела подумать о чём-нибудь хорошем или представить у себя в голове что-нибудь хорошее. Но никак не выходило. Всё время выплывал один и тот же неприятный образ – пьяная физиономия первого из бывших одноклассников. Сонечка несколько раз предпринимала попытку прогнать его, но он всё время возвращался. И чем дальше, тем всё более мрачным, всё более наглым, таким отвратительным – с гадкой, искривлённой улыбкой, таким похотливым – с приторными, мутными, глупыми глазами, таким страшным – с явными чертами безумия на лице...

– ...Сонька, ты классная девка. Слушай, ты это... не обижаешься?.. – с усмешкой спросил он.

Она промолчала.

– Нет? А я на тебя обижаюсь, – тень безумия на его лице сгустилась. – Столько раз ты проходила мимо меня так холодно – цок! цок! – своими каблучками душу мне вынимала, столько раз заставляла сохнуть мои глаза на ветру, издаваемом твоим высокомерным движением, столько раз обламывала надежду и мне, наконец, испить чудесной воды из твоего источника. Ты играла со мной! И теперь я говорю – хватит!!! Я не жертва! Я... охотник!

Он смотрел на неё с нескрываемой злобой. Сонечка с ужасом отступила и оглянулась. Сзади стояли двое других одноклассников. Второй мочился на асфальт, брызгая вокруг себя воняющими бронзовыми каплями, нисколько не смущаясь и даже не отворачиваясь. А третий, подскочив, схватил её за талию.

– Мы – пьяные, не обращай на нас внимания, – пробасил он. – Голова кругом идёт. А тут ещё твои звонкие каблучки – прямо в голову вонзаются. Так что – извини.

– Это не каблучки, а шпильки! – сказал второй, перестав мочиться. Он потрёс «орган», сшибая с него последние капли. – Шпильки звонче и больнее.

– Отпусти, скотина! – рванувшись, крикнула Сонечка.

Но третий только сильнее сжал её талию. А первый произнёс с омерзительной улыбкой.

– А ты, Сонь, отпустишь нас?

– Я вас и не держу! – она с отчаянием стукнула каблучком по асфальту.

Раздался такой пронизывающий звон, будто колокол, только с хрустом, похожим на щёлканье горящих дров, так что вся троица зажала уши руками. Этим не преминула воспользоваться Сонечка, вырвавшись и устремившись в темнеющую глубь двора.

– Ты сама держишь нас, Соня! – крикнул ей вдогонку первый.

– Твои шпильки пригвоздили нас к тебе! Они распяли нас на тебе! – эхом отозвался второй.

– Отпусти нас, Соня! – прогремел третий.

Она, не помня себя, пронеслась вперёд и, когда страх немного отступил, затормозила и обернулась. Те трое неторопливо шли за ней. Они были ещё далеко, но гораздо ближе, чем она предполагала.

– Мы всё равно тебя найдём! – пропищал первый.

– Мы везде слышим тебя! – загоготал второй, по ходу продолжая трясти свой «орган».

– Твои каблучки приведут нас к тебе! – пробасил третий.

Сонечка снова что есть силы побежала вперёд.

Цок! цок! – скрываясь от полумёртвого электрического освещения. Цок! цок! – заглядывая в пугающую темноту подворотен. Цок! цок! – захлёбываясь от биения собственного сердца – аж мурашки пошли по коже – цок! цок!

Наконец-то она нашла какие-то укромные кусты и спряталась. Вскоре в поле видимости появилась и та ненавистная троица.

– Где-то здесь топталась... – тихо произнёс первый.

– Да вон в кустах, наверно, заныкалась, – усмехнулся второй, тот, что с «органом».

– Сонька, выходи, ты в кустах! – пробасил третий. – Мы видим тебя.

Она, присев на корточки, замерла, боясь и дышать. Но вдруг сзади её схватил первый.

– Эти бы ножки с каблучками да мне на плечи! – пропищал он.

Второй пролез сквозь кусты и сунул свой «орган» Сонечке в лицо. А третий просто погрозил пальцем.

– Никак ты нас, Соня, не отпустишь.

– От-пус-ка-а-ю! – заревела она и с обидой на все страхи, на все страдания, на писклявую похотливость первого, на дурацкий вонючий «орган» второго, на медвежью неумолимость третьего, выбросив ножку, треснула каблучком по бордюру возле кустов.

И опять раздался тот хрустящий звон, от которого насильники опять должны были спасать свои уши руками. Сонечка, вскочив, устремилась прочь от них. Теперь она бежала настолько долго, насколько могла. Но, оборачиваясь, она всегда замечала преследование. Те трое неторопливо шли за ней. Да, далеко, но гораздо ближе, чем предполагалось в уме.

Сонечка совершенно выбилась из сил. К тому же, стала хромать. Вернее, припадать на левую сторону, так как что-то случилось с каблуком. Короче, она боялась на него наступать всем весом, чтобы не сломать.

Но это не могло больше продолжаться – троица тихой сапой подступала всё ближе, и истерика превратилась в панику. Сонечка стащила с себя босоножки и побежала босиком, попутно взглянув на злополучный каблук. Да, точно, немного отошёл от подошвы. Ах, теперь уж неважно – лишь бы спастись!

В доме напротив показалась некая незакрытая дверь, от неё очень сильно веяло добротой, тёплой нежностью и спасением, потому что она была похожа на дверь Сонечкиной квартиры.

– Ах ты, зараза! – пропищал первый где-то очень близко.

– Теперь убежит! – загоготал второй как бы чуть подальше.

– Наконец-то отпустила! – пробасил третий вроде совсем далеко.

Сонечка, не оглядываясь, мчалась к вожделенной двери. Вот! Вот! Ещё чуть-чуть, ещё капельку потерпеть!.. Вот и всё! Слёзы облегчения брызнули из глаз, когда она ощутила в своей ладони знакомую ручку. Слёзы радости полились по щекам, когда она чудесным образом очутилась в своей такой родной и любимой квартире. Слёзы благодарности капали с подбородка, когда дверь захлопнулась за ней и стало темно, тихо и спокойно.

Сонечка проснулась резко, нащупав под собой на подушке мокрое пятно. Но ни темнота, ни тишина, ни умиротворение реальности не могли её успокоить. К чему, зачем, за что опять эта странность, эта мерзкость, эта непонятность? Ещё не окончательно исчез осадок от потрясения двухнедельной давности, и вот новый глоток смрадной мути, необъяснимого смрада, мутной необъяснимости.

Оставшуюся часть ночи Сонечка не спала, всё думала – а утром первым делом проверила свои очаровательные босоножки и ахнула. Каблук на левой босоножке немного отошёл от подошвы и шатался.

Сонечка сначала расстроилась, а потом всё же смирилась. Тем более после такого страшного сна эти босоножки надевать и не хотелось. После такого страшного сна вообще каблуки стали какими-то неприятными. Чем-то нехорошим стали казаться. Чем-то нечеловеческим. Цок! цок! Копытами, что ли?..

Сон 3. Халатик

Три или четыре дня Сонечка не подпускала к себе Эдика. Без всяких объяснений. Просто не разговаривала. На звонки и смс-ки не отвечала. А домой к ней придти он побоялся. Да и пришёл бы – что с того? Встретил бы иронически-насмешливую вежливость мамы, хмуро-молчаливую вежливость папы, холодно-неприступную вежливость Сонечки и сконфуженно отправился бы гулять дальше.

А что? Обида есть обида. Сонечка умела обижаться. Совсем как мама. А маму обижать нельзя. Обиженная мама – разъярённый зверь. Папа знает. Так что Эдику ещё повезло с Сонечкой. Мама бы припомнила тот «незабываемый вечер» по полной программе. О, да! Печень бы съела. Папа знает.

Так что, когда Сонечка сама нечаянно обидела маму, ей нестерпимо захотелось нежности или хотя бы простого человеческого тепла. Как-то сразу припомнился Эдик. Она весь вечер ждала от него какого-нибудь проявления, но тот после трёх-четырёх дней бесполезной осады сдался и пропал.

«Фи! Какой же дурак!» – с досадой заключила Сонечка и в подавленных чувствах легла спать. Маму на ночь не поцеловала. Впрочем, маму на ночь не поцеловал даже папа. Папе этой ночью пришлось спать в зале. Похоже, и он по инерции нарвался на мамин гнев.

Папа до полночи не спал. Голубоватые всполохи от телевизора озаряли тёмный коридор через приоткрытую дверь в зал. Зато звуков не было почти никаких. Чтобы не потревожить чуткий и драгоценный сон мамы, он и курить ходил на кухню, боясь хлопнуть на балконе чем-нибудь сослепу.

Сонечка вместе с ним тоже не спала полночи. Всматривалась грустным взором в голубоватые всполохи в тёмном коридоре и думала об Эдике. Так было одиноко и пусто без него. Так отчего-то стало жалко его. Почти как папу. И себя тоже стало жалко.

Сонечка, не выдержав, немного поплакала и, порывисто схватив мобильник, отправила Эдику смс-ку: «Ты спишь?». Эдик не ответил. Тогда она встала, накинула на себя красный домашний халатик из обворожительно-нежного шёлка (аж мурашки пошли по коже!) и пошла плакать к папе.

Папа, грустный и осунувшийся, сидел в кресле, держа в одной руке бутылку пива, а в другой пульт от телевизора. Голубовато-мертвенные всполохи от экрана делали его тёмную, художавую фигуру ещё более сентиментальной и трагической. Услышав скрип двери, он спохватился, будто пробудившись от тяжкого сна, и торопливо поставил бутылку пива за кресло.

– Папа, это я, – всхлипнув, успокоила его Сонечка. – Ты не спишь?

Он многозначительно и тяжело вздохнул.

– Нет, чё-то не спится...

Сонечка поправила расползающийся в разные стороны, сползающий с по-девичьи чётких форм в обворожительной шёлковой нежности халатик и покрепче затянула поясок. Так бы, конечно, и не страшно. Даже наоборот... В другой раз полезно иногда и «забыть» про поясок и про «поправить». А что? Женственно. Призывно. Сексуально. Но тут всё-таки папа...

– Тебе же завтра на работу...

– Мне, Сонь, и послезавтра на работу... и в субботу...

– А чего к маме не идёшь?..

Сонечка сиротливо присела на краешек дивана и подобрала под себя ножки, попутно одёрнув женственность, прикрыв ручками призывность и невинными глазками отпихнув от себя сексуальность.

Папа, внимательно взглянув на неё, извлёк из-за кресла своё пиво и снова многозначительно вздохнул.

– Печень берегу. Нет уж... Я лучше и в воскресенье на работу схожу.

– Папочка, не переживай, – снова всхлипнула Сонечка. – Она и на меня обиделась...

Он запрокинул голову, влил в рот остатки пива, встал с кресла и подошёл к окну. На мгновение чуть приоткрыв шторку, как-то обречённо вернулся назад, по ходу погладив Сонечку по головке.

– Не плачь.

– Я не плачу.

– Плачешь.

– Нет.

– Да. Нет уж... Давай лучше спать. Успеешь наплакаться...

– Папочка, почему успею?

– Все успевают. Жизнь такая. Если всё во внимание брать, то ничего не делай, только плачь да плачь.

– Мама не очень-то любит плакать.

– Любит, Сонь, любит, – загадочно улыбнулся папа и резко поднялся с места. – Ладно, пойдём. Я курить, а ты спать.

Он пошёл на кухню, а Сонечка в свою комнату. Ей заметно полегчало. Ей стало даже спокойно и радостно. Потому что ей нравилось разговаривать с папой. Слушать его тихий, всегда немного утомлённый и такой добрый голос. Видеть его печальное, несколько затравленное, но вместе с тем основательное и умное лицо. Быть с ним маленькой-маленькой девочкой, тащащей в рот всякие гадости и писающей в горшок. Ведь только с ним и можно такой быть. Ведь только с ним она такая и есть на самом деле. Ведь он только такую её и знает. Ведь только для него она так ещё и не выросла, учась на втором курсе университета и встречаясь с большими мальчиками. Да, ей нравилось так думать про папу. Папа не может быть другим.

Через пять минут папина голова, смущённо заглянув в её комнату, прошептала «спокойной ночи» и кротко исчезла. А ещё через десять погасли голубоватые всполохи, всё наполнилось тёплой, густой темнотой и стало по-настоящему тихо.

«Спокойной ночи», – запоздало улыбнулась Сонечка и закрыла глаза. Теплота, густота и темнота насели плотнее, и веки налились тяжестью, и уши пропитались вязкостью, а всё тело преисполнилось слабости. Такой беззащитной и блаженной слабости, на которую могут иметь право только поистине маленькие-маленькие девочки.

Сонечка открыла глаза. Голубоватые всполохи снова озаряли тёмный коридор. Также мертвенно. Также беззвучно. Они выхватывали из тьмы большой кусок на полу и стенах, обугливая края ядовито-ржавыми оттисками. Потом на короткое мгновение гасли, но оттиски как бы всё равно оставались, сквозя в зыбкой темноте еле различимыми прорезями.

Сонечка встала, накинула на себя свой красный халатик из обворожительно-нежного шёлка и пошла в зал – доглядеть, чего это папа опять не спит.

Папа по-прежнему сидел в кресле, ещё более грустный и ещё более осунувшийся. Опять с пивом.

На экране крупным планом в остро-снежных помехах мигало немолодое лицо некоей женщины – совсем некрасивое, с каким-то вульгарным самодовольством, накрашенное вызывающе безвкусно, словом, отталкивающее, но отчего-то знакомое.

Услышав скрип двери, папа торопливо поставил бутылку пива за кресло.

– Папа, это опять я, – успокоила его Сонечка. – Ты всё не спишь?

Он повернулся к ней всем телом, перегнувшись через мягкий локоток кресла.

– Нет, чё-то не спится...

На экране лицо исчезло, и в помехах стали появляться сначала чьи-то руки, потом ноги, потом разные части тела. Картинки менялись чрезвычайно ускоренно, но Сонечка успела заметить, что все тела были обнажены.

Она смущённо поправила свой сползающе-расползающийся в обворожительной шёлковой нежности халатик и покрепче затянула поясок. Всё-таки папа... Да ещё такие картинки...

– Тебе же... завтра... на работу...

– Мне, Сонь, и послезавтра на работу... и в субботу...

– А... к маме... чего не идёшь?..

Она окончательно растерялась, поняв, что повторяется, а попросту бред какой-то несёт, но ничего не могла с собой поделать. Мысли сбились в кучу, язык сам по себе, уши сами по себе, глаза сами по себе – то есть то на папу, то на экран. Забыла, зачем пришла. Не знала, что сказать. А потому просто сиротливо присела на краешек дивана и подобрала под себя ножки, натянув до отказа на голые бёдра непослушно короткую шёлковую ткань.

Папа, внимательно понаблюдав за её бесполезными мучениями, извлёк из-за кресла своё пиво и тоже повторился:

– Нет уж... Я лучше и в воскресенье на работу схожу. Печень дороже.

– Папочка, не переживай, мама и на... – начала Сонечка и осеклась.

Тела на экране по очереди насиловали ту некрасивую женщину. Хотя, может, и не насиловали. Она то как бы вырывалась, то сама набрасывалась на тела, то умоляла их о чём-то. Всё это выглядело так... странно, так мерзко, так непонятно. Но очень правдоподобно, очень жизненно, не по-киношному, а потому – страшно и как-то... чересчур грязно, чересчур безысходно, чересчур неумолимо. И оттого Сонечке легче было думать, что это насилие.

Папа запрокинул голову, влил в рот остатки пива, встал с кресла и подошёл к окну. На пару секунд приоткрыв шторку, он вернулся назад, остановившись возле Сонечки и погладив её по головке.

– Не трахайся.

– Я... не трахаюсь, – она испуганно посмотрела ему в глаза.

– Трахаешься, – спокойно сказал он, не отводя цепкого взгляда.

– Нет.

– Да. Нет уж... Давай лучше спать. Успеешь натрахаться...

Последнее прозвучало не только спокойно, но и мягко, что позволило Сонечке немного взять себя в руки.

– Папочка, почему успею?

– Все успевают. Жизнь такая. Если всех во внимание брать, то ничего не делай, только трахайся да трахайся.

Он вдруг наклонился к ней и дёрнул за поясок. Шёлковая нежность блядски податливо расцепилась, высвобождая чёткие девичьи формы. Его руки поднялись на плечи и опустили халатик вниз.

– Мама не очень-то любит трахаться, – с трудом проглотив вязкую слюну, услышала свой голос Сонечка.

– Любит, Сонь, любит, – загадочно улыбнулся папа и схватил её за руки. – Ладно, пойдём спать.

Он повлёк её за собой. Она сделала слабую и какую-то неумелую попытку сопротивления, напоследок узнав некрасивую женщину на экране. Это была мама.

Они пробрели сквозь ядовито-ржавые оттиски, в коротких перерывах тьмы обжегшись о прорези. Сонечка, пока дошла, обнажённая, успела нешуточно замёрзнуть. Кожа покрылась шершавыми и зябкими пупырышками, а тело сотрясала мелкая дрожь.

Папа, уложив её на кровать и заботливо укрыв одеялом, прилёг рядом. «Спокойной ночи», – услышала она сзади его тихий и немного утомленный голос и почувствовала, как нечто горячее и настойчивое проникло в её собственный бесстыдно трепещущий жар...

Сонечка проснулась от пронзительного «динь-динь». Смс-ка. От Эдика: «Маленькая моя, прости, я не слышал, но я не спал».

Прочитав, она оглядела комнату и почти тут же заметила, что шёлкового красного халатика не было на спинке стула – обычном для него месте. И на спинке кровати – необычном для него месте – его тоже не было. И на компьютерном столе – непозволительном для него месте – его не было. И на полу – последней для него возможности вообще быть в этой комнате – не было.

Сонечка, сидя на кровати, накатала Эдику ответ: «А что же ты делал в три часа ночи, если не спал?». Но её волновало не это. Не Эдик. Не Эдикова смс-ка. Не все смс-ки в мире. Её волновал её халатик. Куда он делся? Уж не в зале ли?!

Эдилов ответ от таких потрясающих воображение и взрывающих без того офигевший мозг мыслей заставил её вздрогнуть: «За компом сидел».

Сонечкино сердце то обморочно замирало, то панически готово было покинуть хрупкую, содрогающуюся от волнения плоть. «За компом сидел и не слышал?» – набрала она сначала посиневшими, а потом побледневшими пальцами, и, закутавшись в одеяло, устремила из своей комнаты в зал.

Мама, такая существенная и внушающая трепет, сидела в кресле, держа в одной руке нечто кондитерское, а в другой пульт от телевизора, услышав скрип двери, со степенной неторопливостью обернулась.

На экране несколько мужиков тащили куда-то молодую и красивую девушку, явно злоумышляя насилие. Она как бы вырывалась, но не могла вырваться. А они как бы ей завладели, но никак не могли завладеть окончательно. Киношно. Не страшно. Но почему-то всё равно странно, мерзко, непонятно. И странность, мерзкость, непонятность нарастали с каждым новым ударом сердца, совпадающим с искусственным криком той девушки.

– Это я, мам, – услышала свой глухой, обесцветившийся голос Сонечка. – Ты не видела... мой халатик... красный такой?..

С невероятным усилием воли её глаза решились взглянуть на диван и с некоторым облегчением отметили отсутствие халатика в самом роковом для него месте.

– Я стирку затеяла, – строго и обиженно ответила мама, отвернувшись. – Других халатиков нет, что ли, ты в одеяло закуталась, как сирота?

– А... где он был... халатик? – Сонечка с трудом проглотила вязкую слюну.

– Ну а где ему быть, Соня? – рассердилась мама, уронив большую кондитерскую крошку на пол. – На стуле у тебя валялся! Ты чё, не выпалась?! Или переспала?!

«Уф, опять сон!» – выдохнула осчастливленная маминой руганью Сонечка и на невесомых крыльях радости упорхнула в свою комнату. Нет, выпалась! И не переспала! Самое главное – не переспала: с па... Ни с кем не переспала.

Динь-динь! Эдик: «Ладно, маленькая, прости, я спал».

Она обессилено упала на кровать и с подчёркнутым безразличием отстранила от себя телефон. Да что же это такое? Приснится же такая дрянь! Чёртов халатик...

Сон 4. Юбочка

В июне началась сессия. И сразу же не заладилась. Первый же зачёт – по русской истории – Сонечка не смогла сдать вместе со всеми «нормальными» студентами, пришлось второй раз приходить, теперь вместе с «ненормальными».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.